

<http://www.jyu.fi/library/tutkielmat/330/>

**О лексике финского происхождения
в русском языке:
Топонимия северной Карелии**

Дипломная работа
Кафедра русского языка
Университет Ювяскюля
Весна 1997-го года

Янне Хяуринен

Tiedekunta HUMANISTINEN	Laitos Venäjän kieli
Tekijä Janne Häyrinen	
Työn nimi Suomalaisperäisestä sanastosta venäjän kielessä (О лексике финского проишошдения в русском языке. Топонимия severnoj Karelii)	
Oppiaine Venäjän kieli ja kirjallisuus	Työn laji Pro-gradu tutkielma
Aika 19.5 1997	Sivumäärä 70
Tiivistelmä - Abstract	
<p>Kyseisen työn tavoitteena on venäjän kielessä esiintyvän suomalaisperäisen sanaston kartoittaminen ja löydetyn materiaalin jakaminen semanttisiin ryhmiin. Kuten yleisesti tunnetaan, pitää suomen kirjakieli sisällään useita satoja venäläistä alkuperää olevia sanoja. Vähemmän tutkittua kuitenkin on suomalaisbaltilaisten ja tarkemmin sanoen suomen kielen vaikutus venäjän kielen sanastoon. Työssä on myös hieman valotettu suomalaisen ja slaavilaisten heimojen yhteisiä elinvaiheita nykyisen Karjalan alueella ja näin saatu selville puitteet, jotka ovat mahdollistaneet suomalaisen sanaston levämisen venäjän kieleen.</p> <p>Tutkimuksesta kävi ilmi, että suomalaisperäistä lainasanastoa löytyy venäjästä: 1) Maantieteellisistä nimityksistä ja 2) Venäjän pohjoismurteista. Venäjän kirjakielessä tavataan vain kourallinen suomalaisperäisiä sanoja. Maantieteellisten nimitysten sisältämä suomalainen aines on useimmiten hyvin vanhaa ja tämä aiheuttaa eräänlaisen luotettavuusongelman: aina ei voida varmasti sanoa onko jokin paikka saanut nimensä suomen, saamen vaiko jonkin baltilaisen kielen mukaan. Nimien alkuperän selittämisenä olemmekin turvautuneet useisiin lähteisiin ja luottaneet eniten kannatusta saaneeseen selitykseen.</p> <p>Erisnimien lisäksi venäjän murteista on löydetävissä paljon suomalaisia lainoja muille luonnonilmiöille. Ne kuvaavat ympäröivää maisemaa ja sen erityispiirteitä, jotka olivat pohjoiseen tulleille slaaveille uusia ja siksi tällaiset nimitykset lainattiin usein suomalaisista kielistä. Muun venäjän murteissa tavattavan suomalaisen sanaston olemme jaotelleet semanttisiksi ryhmiksi, jotka melko suuresta (lähes 200) sanajoukosta erottuvat jokseenkin selvästi. Niistä kenties suurin on Arkangelin alueen murteissa tavattava kalastukseen liittyvä sanasto. Se pitää sisällään suomalaisperäisiä sanoja erilaisille kaloille, kalastusvälineille, veneenosille, jne, jotka ovat saaneet venäläisen kirjoitus- ja äänneasun.</p> <p>Näiden lisäksi löysimme murteista suuren joukon suomalaisperäisiä sanoja, jotka liittyvät moniin elämänalueisiin. Sanoja löytyi työvälineiden ja astioiden nimityksistä aina lasten leikkikalujen nimiin ja juuri tällainen, hyvin yksityiskohtaisten esineiden nimien lainautuminen, antaa olettaa suomen kielen vaikutuksen olleen vahva venäjän kielessä.</p> <p>Materiaali on kerätty pääosin Max Fasmerin neliosaisesta Venäjän etymologisesta sanakirjasta. Sen tietoja on tuettu Venäjän murteiden sanakirjalla (Словарь русских народных говоров) ja joidenkin suomalaisen tutkijoiden (Lauri Posti, Jalo Kalima) artikkeleilla, koskien suomalais-venäläisiä kielikontakteja.</p>	
Asiasanat	
Säilytyspaikka	
Muita tietoja	

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	6
1.1 Предмет и цель исследования	6
1.2 Материал и методы исследования	8
1.3 Исторический обзор русских и финских племен	9
2 СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА	12
2.1 Устойчивые и неустойчивые слова	12
2.2 Иноязычные пласты в русском языке	13
2.3 Заемствование	16
2.3.1 Усвоение новых слов	20
2.3.2 Семантическое освоение	21
2.3.3 Способы освоения новых слов в русском языке	21
3 ТОПОНИМИКА	24
3.1 Развитие топонимики в России	24
3.2 Задачи и понятия топонимики	25
3.3 Топонимия как народное творчество	26
3.4 Смысловые изменения в топонимах	28
4 ТОПОНИМИКА КАРЕЛИИ	30
4.1 Грамматическое разделение финских топонимов	
Карелии	31
4.1.1 Имена собственные	31
4.1.1.1 Речные имена	32
4.1.1.2 Названия других водных пространств	33
4.1.1.3 Ойконимы в финско-русской топонимии	34
4.1.1.4 Топонимы и этнонимы	36

4.1.2 Имена нарицательные	37
4.1.2.1 Водное пространство	38
4.1.2.2 Лёд и снег	39
4.1.2.3 Болота	39
4.1.2.4 Возвышенности ландшафта, холмы и горы	41
4.1.2.5 Земельные угодья, леса и равнины	41
4.1.2.6 Явления природы и погоды	43
5 СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДРУГИХ СЛОВ ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	45
5.1 Рыболовство	45
5.1.1 Рыболовные снаряды и их части	46
5.1.2 Виды рыбы	47
5.1.2.1 Лососи	47
5.1.2.2 Мелкие рыбы	48
5.1.2.3 Другие виды рыб	49
5.1.3 Лодки и их части	50
5.2 Охота	50
5.2.1 Названия птиц	51
5.3 Названия других животных	51
5.4 Виды деревьев	52
5.5 Названия других растений	52
5.6 Оленеводство и жизнь на севере	53
5.6.1 Названия оленей разного возраста	53
5.6.2 Принадлежности оленеводства	54
5.6.3 Жизнь в Лапландии	54
5.7 Товары и понятия бытовой жизни	55
5.7.1 Рабочие инструменты	55
5.7.2 Кушанье и кухонная посуда	56
5.7.3 Разная обувь	56
5.7.4 Другие товары бытовой жизни	57
5.8 Слова, описывающие деятельность человека	58
5.9 Язычество и старые обряды	59

5.10 О людях и о народностях	60
6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
ЛИТЕРАТУРА	65
ПРИЛОЖЕНИЯ	

1 ВВЕДЕНИЕ

1.1 Предмет и цель исследования

Словарный состав любого языка является не только пассивным источником для формирования предложений или способом выражения нашей мысли, мнения и чувства, хотя в ежедневных языковых ситуациях словарный состав выполняет именно эти функции. Каждому из нас иногда приходится подумать о происхождении и значении слов глубже: почему это так называется? Откуда это слово происходит? И так далее. Тогда мы уже касаемся словарного состава с точки зрения его происхождения.

В этом словарный состав представляется как источник, говорящий об истории народов, об эмиграции, о войне, о новых начальниках, о новых культурных и общественных условиях... Общественные изменения всегда имеют влияние на язык и, наоборот, использование первый раз какого-то отдельного слова может свидетельствовать об общественных изменениях. Словарный состав претерпевает перемены одновременно с появлением новых идеологий и понятий в жизни любого народа. Новые влияния всегда приносят с собой проблемы в языке: как выражать эти понятия? Использовать ли свои слова или заимствовать ли слова из языка-источника? Независимо от решения,

к которому приходят носители данного языка, заимствование является одним из важнейших и принятых способов обогащения словарного состава. В развитии русского языка немаловажную роль играют заимствованные слова: кроме общеславянского словарного фонда он содержит элементы из германских, романских, тюркских, скандинавских и финно-угорских языков.

Финским заимствованиям в русском языке посвящено не так уж много научных работ. Всё же, следует отметить работы финского учёного Яло Калимы [Jalo Kalima (1952): *Suomalaisista, karjalaisista ja vepsäläisistä lainoista venäjän kielessä*] и [Jalo Kalima (1919): *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*]. Для исследования второй части нашей темы, топонимов, наоборот существует довольно много научных работ. Одним известным топонимистом в России является Э. М. Мурзаев, который написал (1974, 1995) о происхождении многих географических терминов, в том числе топонимов финского происхождения. Также многочисленные научные работы русского ученого А. И. Попова (1899-1973) в области топонимики окажутся необходимыми в любой топонимической работе. Из самых новых работ в этой области мы должны отметить работы А. К. Матвеева [Вопросы языкоznания: 3/1993, 2/1995], посвященные изучению субстратной топонимии русского Севера. Все вышеупомянутые работы включают в себя важный материал для тех, кто интересуется лексикой финского происхождения в русском языке.

Значит, объектами нашего исследования являются элементы маленькой, но интересной нам группы слов: влияние финно-угорских, точнее финского языка на лексику русского языка. Целью нашей работы является обсуждение совместной истории финских и славянских племен и описание семантического анализа слов финского происхождения в русском языке.

Из этимологического анализа финских слов в русском языке мы заметили, что они разделяются на две большие группы: 1. топонимы, т. е. географические названия и 2. русские диалектные слова финского происхождения. Мы попытаемся показать происхождение только некоторых топонимов, так как доскональное исследование всех топонимов финского происхождения на территории нынешней России была бы задача, крайне

трудняя. Вторую группу слов финского происхождения, слова говоров русского языка, мы рассматриваем с точки зрения их семантики, не обращая внимание на диалектное варьирование этих слов. Всё же, для того, кто интересуется распространением финских слов на русские говоры, после каждого слова приводится ссылка на говор, в котором данное слово встречается. Кроме этого, в приложении дается несколько карт, которые помогают читателю в диалектах.

Практическое значение данной работы заключается в информационной функции: люди, занимающиеся русским языком получат новые сведения о происхождении некоторых знакомых им слов (например: *тундра, камбала*) и для интересующихся происхождением географических названий (типа: *Ладога, Нева*), наша работа содержит самые новые сведения.

1.2 Материал и методы исследования

Основным источником в данной работе мы использовали четырехтомный (1964, 1967, 1971, 1973) Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. Материал для этого словаря был собран М. Фасмером во время второй мировой войны и книги издавались отдельными выпусками сначала на немецком языке. Кроме этимологии слов русского литературного языка, словарь включает в себя тоже многие диалектные слова. Эта особенность оказалась неизбежным в нашей работе. Здесь надо добавить, что нам точно неизвестно, как долго жили или живут слова финского происхождения живут в русских говорах.

Большинство исследовательских работ М. Фасмера были посвящены лексикологии в её различных отраслях: изучение греческих и ирано-славянских заимствований в русском языке и анализ топонимики Восточной Европы балтийского и финского происхождения.

В данной работе мы использовали словари следующим образом: во-первых, мы искали в указателе слов, который даётся в последнем томе, все ссылки на финские слова и потом смотрели в указанном месте является ли данное финское слово происхождением русского слова. Таких слов мы наплы-

около 150, включая некоторые топонимы.

Наши результаты мы проверяли в Словаре русских народных говоров (СРНГ), данные которого, за некоторым исключением, совпадают данными словаря М. Фасмера. К сожалению, все тома Словаря русских народных говоров пока ещё не имеются под рукой в Финляндии. Что касается топонимики, наш материал дополнен сведениями из книг Э. М. Мурзаева (1974 и 1995), Р. А. Агеевой (1985) и А. И. Попова (1981).

1.3 Исторический обзор русских и финских племён

Как мы знаем, финно-угорские племена часто оказывались в контакте с русскими племенами в течение многих веков. Эти контакты были иногда не так дружественны, но в основном контакты этих племён были связаны торговлей и ежедневным общением в общих местожительствах. В нашей работе мы рассматриваем эти связи с точки зрения языкоznания, но всё же нам приходится познакомиться с историей тех мест, где финско-русские заимствования и топонимы сохранились. В данном случае - это история Карелии.

Ещё 9000 лет тому назад, когда ледниковый период начал своё отступление, в Карелии и Финляндии появились первые поселенцы. Эти племена пришли с юга и с Урала, но точно неизвестно их этническое и языковое происхождение. Всё же, считается, что это были финно-угорские племена. (Kirkkinen 1994: 13.)

Второй пласт в Карельской топонимии - саамский. Они были первыми жителями той территории, о которой есть письменные документы. Количество названий саамского происхождения небольшое. Это связано с тем, что люди часто переезжали с места на место за добычей и постоянные названия их мест проживания не возникли. Самым убедительным свидетельством пребывания саамов в Карелии являются этнонимические топонимы типа: Лапинъярви, Лопское и Лапино. Все эти названия включают в себя элемент "лопъ" - прежнее

название саамов. (Герт 1982: 10.)

Ещё один пласт в топонимии Карелии - прибалтийско-финский. Они пришли на территорию в первом тысячелетии н.э. Географическая терминология русского языка получила такие слова как: сельга, ламба, лахта и т.д. Прибалтийско-финские элементы в Карельской топонимии можно найти довольно легко, не только потому, что финский и карельский языки ещё живы, но и потому, что эти названия возникли по чётким правилам. Это проявляется, например, в том, что топонимы финского происхождения часто сложные слова, первая часть которых определение ко второй, которая часто обычный географический термин. Например: Суоярви, финск. suo - болото и järvı т.д. (Герт 1982: 14). Именно такая закономерность и наличие огромного количества финно-угорских гидронимов являются свидетельством заселения Русского Севера (в этом Псковские и Новгородские областей) финно-уграми до прихода славян (Агеева 1989: 227).

И наконец, самый последний и новый пласт - русский. Славяне пришли на территорию сегодняшней Карелии в первых веках II тысячелетия и особенно интенсивно наблюдалось передвижение с XIII века. Что касается топонимов, то славяне заимствовали или перевели географические названия на свой язык, поскольку пришли на ту территорию позже финнов.

После первых поселенцев началось медленное, но непрерывное переселение с берегов Волги в Карелию. В первом тысячелетии нашей эры карельское население разделилось на территориальные группы: в западной Карелии занимались полеводством, и укреплялись связи с Швецией. На востоке занимались подсечной системой земледелия и поддерживали торговые отношения с Русью. Значит, уже в VII веке Финляндия и Карелия оказались между двумя сильными народами. Шведы продвигались с запада, славяне с юго-востока. (Kirkkinen 1994: 22.)

На берегах Ладожского озера появились международные торговые деревни, которые привлекали людей из Швеции, Финляндии и России. В 860-ых годах происходило культурное и языковое слияние народов, когда преводитель викингов, Рюрик, объединил многие финские и славянские народы в

новгородском царстве. Большинство из финских племён слились воедино со славянами, а некоторые из них ушли на север. (Kirk. 1994: 23.) Вероятно довольно большая группа из них поселилась на территории Архангельской области. Там, в верховьях реки Мехъренга, бытуют и сегодня десятки топонимов карельского и финского происхождения. Как например, множество топонимов с формантами -нема "мыс" - карел. и фин. niemi (Вазонема, Линьнема, Перннема), -пелда, -палда "поле" - фин. peltö (Вымпелда, Тишепелда, Сюрапалда). Анализ семантики таких топонимов показывает, что местное прибалтийско-финское население занималось прежде всего земледелием и скотоводством. В этом они не отличались от русских и это помогало ассимиляции. (Матвеев 1993: 93.)

Во времена викингов происходило также оживлённое передвижение людей из центральных частей Финляндии к северному берегу Ладожского озера. Таким образом, финские племена оказались в очень близких контактах со славянами. Благодаря этим контактам финны и карелы могли участвовать в торговле мехами на берегах Волги. (Kirk. 1994: 20.)

2 СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1 Устойчивые и неустойчивые слова

Словарный состав любого языка является элементом, претерпевающим самые большие изменения в развитии языка. Он чувствителен к изменениям в общественной жизни и господствующей культуре. В своём непрерывном ходе словарный состав, не только приобретает новые слова, но и всё время теряет другие слова и иногда заменяет их новыми.

С другой стороны, рассматривая язык с точки зрения индивидуума, легко заметить, что каждый из нас говорит по своему, употребляя слова и выражения, которые ему нужны и знакомы. Личный словарный состав каждого человека также отражает его социальный статус и класс, к которому он относится. Ссылаясь на Ж. Вандриеса, В. В. Виноградов (1977: 52) констатирует, что простому крестьянину 300 слов хватит для обычного общения, но и образованному барину нужно небольшое количество слов. Разница в том, что он употребляет другие слова.

Когда речь идёт об устойчивости новых слов, по мнению некоторых учёных, надо различать две лексические категории: устойчивые и неустойчивые слова. К устойчивым словам относятся те слова, которые существуют в языке

уже издавна и являются историческим словарным фондом. Неустойчивыми словами считаются слова, которые не имеют непосредственного отношения к хозяйству и насущному. Эти слова характеризуются особенной пестротой и разнообразием выражений и обозначений (Виноградов 1977: 49).

Неустойчивые слова нередко заменяются словами другой языковой среды, т.е. они легко подвергаются иноязычному влиянию. Таковы, например, олонецкие заимствования из финского для обозначения летучей мыши (*елак*) и лягушки (*мутикашки*). Более экспрессивные выражения в олонецком говоре - это слова из финского языка, описывающие внешний вид человека: *кярзя* и *турба* о лице, первоначально - о морде животных (Виноградов 1977: 49). В нашей работе почти все изучаемые слова являются только диалектными, и, таким образом, их можно внести в категорию неустойчивых слов, упомянутую выше.

2.2 Иноязычные пласти в русском языке

Русский язык, как один из восточнославянских языков, выделился из распавшегося в 14-15 вв. (одновременно с украинским и белорусским) древнерусского языка. До этого русский язык претерпевал влияния многих языков, элементы которых хорошо представлены и в нынешнем русском литературном языке. Сегодня иноязычный пласт в русском языке составляет 10% его словарного состава. Большая часть слов имеет стилистически окрашенный характер и употребляется в книжной речи или в узкой сфере техники и науки (Шанский 1964: 95).

Иноязычные слова пришли в русский язык в разное время его существования и из разных языков. Большое количество слов было заимствовано из тюркских языков, из латинского, греческого, польского, английского и французского языков. Небольшую роль играют слова, привнесенные из голландского и итальянского языков. (Шанский 1964: 96.) В эту группу, составляющую тонкий пласт русского словарного состава, входят и

слова финского происхождения.

Греческий пласт в древнерусском языке выражается не только следствием старославянского языка или переводов греческих религиозных текстов, но и через непосредственное общение с греками. Многие греческие заимствования в древнерусском языке относятся к дохристианскому периоду и таким образом являются одним из старейших пластов в русском языке. Приведём примеры. Некоторые собственные имена греческого происхождения живы и сегодня. Такими являются: Валерий, Кирилл, Виктор, Юлия и др. Следы греческой культуры видны во многих других областях русского языка. Такие слова, как: вишня, огурец, палата, кровать, фонарь, уксус, парус и религиозные термины: патриарх, митрополит, епископ, поп и монах все имеют свои корни в греческом языке. (Якубинский 1953: 331.) Значительное место в русской лексике занимают слова тюркского происхождения. Тюркские элементы пришли в древнерусский язык путём, характерным заимствованию - путём торговли. Славяне общались с хазарами в виде торговли уже с IX века и такие контакты были очень оживлённы в следующем столетии. Князья древней Руси, чтобы подчеркнуть своё могущество, начали использовать вместо "Князь" хазарское название "Каган", так как Хазария была сильнейшей державой того времени.

Второе историческое слово, которое оказывается тюркским по происхождению - это слово "боярин". В основе этого русского слова лежит тюркское *baј* - "богатый", осложнённое формантом -аг. (Якубинский 1953: 346.) Другой областью жизни, из которой усвоили тюркские слова - это бытовая жизнь и коневодство. Для напримера назовём слова: жемчуг, деньги, орда, ярлык, арбуз, карман и изюм (Шанский 1964: 97).

Слова тюркского происхождения заимствовали часто с голоса, также как и слова из польского языка. Польский язык служил тоже языком-передатчиком, поскольку русский язык обогащался многими словами латинского происхождения именно через польский язык. С другой стороны, есть и слова, пришедшие в русский язык непосредственно из польского. Таковы например: булка, зразы, кофта, гетман, строгий, фуражка. (Шанский 1964: 98.)

Заемствования из французского языка начинали особенно сильно появляться в русском языке с конца XVII века. Влияние французского языка продолжалось долго и поэтому он оставил следы во многих сферах жизни. Несколько примеров: брильянт, компот, пальто, журнал, режиссер, балет и т. д. Хронологически следующий пласт - это слова английского оригинала. Они появились в русском языке первый раз в XIX-XX вв. вместе с такими словами, как: вокзал, трамвай, эскалатор, рекорд и матч. (Шанский 1964: 99.) Мы должны ещё добавить, что ныне в русском языке в областях экономики и компьютерной техники всё время растёт часть английских слов.

Более старый пласт в древнерусском языке - это скандинавский пласт. Слова скандинавского оригинала пришли в древнерусский язык с IX века, во-первых, вместе со скандинавскими купцами, которые занимались торговлей с восточными славянами, и, во-вторых, через велиkokняжеских дружинников, которые, по некоторым источникам, играли значительную роль в образовании русского государства. (Якуб. 1953: 337.)

Торговая деятельность оставила некоторые заемствования, обозначающие хозяйственные и водные термины в древнерусском языке. Возьмём некоторые из них: "якорь" из швед. ankare, "ящик" из скандинавского asker и "ларец, ларчик" из скандинавск. latt - лавка, магазин. Поскольку скандинавы оказывались в близких контактах с русскими, то эта совместная жизнь отражалась в собственных именах русского языка. Очень обыкновенные русские имена "Ольга" и "Олег" оба образованы от скандинавского Helga или Helgi после звуковой ассимиляции. (Якуб. 1953: 342.)

Один тонкий, но нам интересный пласт, в русском словарном составе состоит из слов прибалтийско-финского происхождения. Восточно-славянские племена, в первую очередь словены и кривичи, соседились с прибалтийско-финскими племенами уже в второй половине первого тысячелетия. Одним из самых старых прибалтийско-финских заемствований в русском языке является название реки "Луга", от слова "Laukaa". В древнерусский язык заемствовался и другой топоним, тоже название реки "Мста", от слова "musta" - чёрный. (Якуб. 1953: 343.)

Небольшое количество прибалтийско-финских заимствований в древнерусском языке объясняется тем общим явлением, что большое количество заимствований предполагает более высокий уровень культуры другого народа. Всё же прибалтийско-финские племена не отличались от древнерусских в этом деле. (Якуб. 1953: 343.)

Ситуация была иная через несколько столетий позже, точнее с начала второго тысячелетия, когда первые русские племена оказались в контактах с финскими племенами около Ладожского озера. Знание особенных областей жизни, как рыболовства, и знание природных явлений этого края, было у финнов лучше русских, о чём свидетельствует большое количество финских заимствований, живущих и сегодня в русских народных говорах.

На вопрос о том, почему финские слова сохранились в русских говорах и именно в определённых сферах жизни, отвечает А. И. Попов (1955: 18) в своей статье "Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений". По его мнению, в так наз. тайных жаргонах (жаргоны ремесленников) имеется множество финских слов благодаря тому, что ремесленники прошлого века систематически посещали Финляндию и уносили с собой лексику своей профессии.

2.3 Заимствование

Процесс развития языка бесконечен, поскольку язык всё-время воспринимает элементы из других языков и теряет свои слова и выражения. Знаменитый академик В. В. Виноградов (1977: 47) написал, что словарный состав русского языка, как и состав каждого языка, находится в состоянии непрерывного развития. Хорошим примером самых новых слов в русском языке являются слова, связанные с компьютерами. Выражения как: дискет, монитор, модем и факс, заимствовались в русский язык в их оригинальной форме из английского языка. С другой стороны, слова компьютерной техники пытались перевести на русский язык, но поскольку эта область технологии очень распространена и уже

считается одной из сфер современной жизни, помогает людям в ежедневной коммуникации общий язык, английский. в этом случае,

Заимствование, как грамматическое понятие, определено в Лингвистическом энциклопедическом словаре (далее ЛЭС, 1990: 158) следующим образом: Заимствование - "элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. д.), перенесённый из одного языка в другой, в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода одного языка в другой". Следует заметить также то, что часто заимствуются именно слова, а реже, например, звуки и фразеологизмы. Шанский (1964: 85) считает заимствованием каждое слово, которое пришло в данный язык извне, даже если слово по морфемам ничем не отличается от слов языка-источника.

ЛЭС разделяет заимствования по степени их ассимиляции в данном языке. В первую группу входят слова, которые полностью усваиваются языком-реципиентом настолько, что носители данного языка заметят их иноязычное происхождение только с помощью этимологического анализа. Таковы, например, в русском языке старые тюркизмы: "башмак", "ватага".

Вторая группа состоит из слов, которые сохранили своё иноязычное происхождение в виде звуковых, орфографических, семантических и грамматических особенностей. В русском языке такие слова встречаются не только в области науки, как "атом", "гидрология" и "морфема", но таковым считаю и некоторые слова, знакомые всем, как: "пальто" и "метро". Эти слова до сих пор не получили способности склоняться. (ЛЭС 1990: 158.)

Процесс заимствования длителен и его каналы могут быть разные. На первых ступенях заимствованные слова употребляются в тексте языка-реципиента в качестве иноязычных вкраплений. Получив более или менее постоянное употребление, их называют варваризмами.

Каналы заимствования могут быть устные и книжные. При устном заимствовании слова изменяются больше, чем при письменном и сам процесс грамматического приспособления к законам языка-реципиента происходит быстрее. (Шанский 1964: 96.)

Заимствование финских слов в русский язык происходило именно

устным путём, но, с другой стороны, эти слова входили в русский язык часто одновременно с конкретным предметом и понятием и поэтому слова не претерпевали значительных изменений. Путь заимствования может быть прямой или косвенный. В ЛЭС даётся пример о русском слове "хрусталь", которое заимствовано не непосредственно из греческого языка, а через посредство латинского и немецкого языков оно вошло в русский (ЛЭС 1990: 159).

Дополнительные сведения об определении заимствования, как грамматического понятия, дают словацкие лингвисты в словацкой энциклопедии языкоznания (*Enciklopédia jazykovedy*, далее EJ). По этим сведениям заимствования (*prevzaté slová*) - это слова, воспринятые из другого языка прямо или посредством третьего языка, на каждом этапе развития данного языка. Заимствование связывается также с экономической, культурной и политической жизнью носителей языка. Автор напоминает ещё о том, что заимствование является очень важным способом обогащения словарного состава.

Словацкая энциклопедия соглашается с русской в отношении необходимости чужих слов. Заимствование не разрушает стабильность и нормы языка, а наоборот, заимствующий язык играет положительную роль как активный член, способствующий развитию языка. (EJ 1993: 344.) Шанский также (1964: 85) добавляет, что заимствованная лексика в русском языке только обогащала его и делала его более ёмким и выразительным.

Понятие "калька" грамматически недалеко от заимствования. Есть фразеологизмы, сочетания слов и отдельные слова нового значения, которые заимствовались в другой язык посредством буквенного перевода. Они называются кальками и делятся на три группы:

Словообразовательные кальки - это поморфемный перевод иноязычного слова. Примером может быть слово "внутримышечный", от латинского слова *intramuscularis*, *intra-* "внутри" и *muscul-* "мышца". Второй пример мы возьмём с греческого языка: от греческого слова "philosophia" перевели на русский эквивалент "любомудрие" и от латинского "subjectum" слово "подлежащее". В

этих случаях оба элемента иностранного слова перевели прямо языком-реципиентом. (Лейчик 1982, 46.) Значит, словообразовательная калька имеет свой иноязычный характер именно прив этом прямом переводе иностранных слов, но с этим её иноязычность и кончается потому, что остальной материал, корни и суффиксы - они уже элементы языка-реципиента. (Шанский 1964: 104.)

При заимствовании только переносного значения слова говорят о семантической кальке. Например слово "ограниченный" (в русском о человеке) заимствовано от фран. "borgne", "ограниченный", в котором его употребляют о человеке и о территории (ЛЭС 1990: 211). Значит, здесь само слово "ограниченный" исконно русский, но его непрямое значение имеет уже иноязычный характер.

Фразеологическая калька - дословный перевод фразеологизма (рус. "слепое повиновение" от нем. blinder Gehorsam).

При переводе только части слова получается полукалька. Такая в русском языке слова "антитело", фран. anticorps. Если морфолого-семантические структуры другого языка понимают ошибочно, возникает ложная калька. Например русское название растения орлики "аквилегия" является переводом лат. aquilegia, воспринято как производное от aquila- опёл. (ЛЭС 1990: 211.) Другой тип подобных полукалок формируется из двух частей: из своей части и из заимствованной. Например слова: идолослужение и телевидение. В них нерусские части, идоло- и теле-, дополняются поморфемами переводами из греческих слов "eidololatreia" и "televisia". (Шанский 1964: 108.)

Заимствование тесно связано с языковыми контактами. Это взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние преимущественно на словарь, а также на другие уровни системы контактирующих языков. Языковые контакты происходят через постоянное общение между двумя народами и нельзя найти ни одного языка или народа, который бы никогда в своём существовании не оказывался бы под влиянием другого языка и который бы не заимствовал слов другого языка. Говоря о иноязычных элементах в каком-либо языке нельзя понимать эти элементы только как коллекция вкраплений чужого оригинала, так как заимствующий язык всегда активно усваивает новые слова и подчиняет их своим

закономерностям. После усвоения слово получает уже новую форму, а иногда новое значение, и в определённом смысле слово создаётся вновь. (Брагина 1981: 67.)

2.3.1 Усвоение новых слов

Как уже было сказано, при заимствовании слова языка-источника приспосабливаются к лексико-семантической, словообразовательной, грамматической и фонетической системе языка-реципиента, т.е. в языке-реципиенте происходит процесс национализации заимствуемых слов.

Освоение нового слова в другом языке состоит из нескольких этапов. Во первых, это семантическое освоение, во вторых, оно подчиняется законам грамматики заимствующего языка, проходит этап переоформления и деривации, и наконец, становится уже иным словом, не похожим на слово языка-источника. (Брагина 1981: 71.)

Словообразовательная обработка даёт новому слову форму заимствующего языка с помощью аффиксов. Так, от немецкого глагола "marschieren" получается русский эквивалент "маршировать" только после добавления аффикса -овать. Дальше, при усвоении чужого слова происходит устранение несвойственных языку-реципиенту звуков. Таким образом немец "Losung" (русское лозунг) произносится с твёрдым звуком *л* и кроме этого оно становится словом мужского рода (в немецком женского рода) в соответствии с твёрдым окончанием. (Шанский 1964: 102.)

Надо заметить также тот факт, что далеко не всегда слова являются членами той же грамматической группы в языке-источнике и в языке-реципиенте. От прилагательного образуется существительное, от глагола прилагательное и т. д. Некоторые примеры: *рояль* - франц. *royal* (королевский), *кандидат* - лат. *candidatus* (одетый в белое), *республика* - лат. *res publīka* (общественное дело)... (Шанский 1964: 96.)

2.3.2 Семантическое освоение

Семантическое освоение нового слова - это первый этап его включения в новый язык. Слово получает новые семантические связи и совокупность понятий, связанных с этим словом, становится более широкой. По словам Ю. А. Бельчикова (1959: 22): при семантическом приспособлении слово часто получает новые значения или значение становится более широким. Например слово "климат" чаще обозначает не только метеорологические условия, а в том числе "состояние и обстановка в обществе". В этом случае слово "климат" связывалось с совсем иным семантическим полем, чем в языке-источнике. (Брагина 1981: 73.) Грамматическое освоение слова можно тоже проиллюстрировать на примере расширения семантического значения слова "климат": от этого слова уже образуются новые сложные слова, такие как: "микроклимат" и "макроклимат", оно входит в мужской род и склоняется по правилам этого рода. Всё это доказывает то, что слово "климат" прошло процесс освоения и стало элементом русского языка, отличаясь в некоторых значениях от языка-источника.

В. М. Лейчик (1982: 45) констатирует, что заимствование - это наиболее простой и распространённый способ обогащения словарного состава. Причиной появления новых слов и выражений в каком-либо языке всегда является двуязычные связи определённой степени. Кроме прямого заимствования и перевода можно отличать и более сложные способы освоения новых слов. То, что новые слова и выражения возникают из собственных ресурсов заимствующего языка с воздействием иностранного языка, вытекает из следующей классификации (рассматриваются три случая заимствования), данной В. М. Лейчиком (1982: 45.)

2.3.3 Способы освоения новых слов в русском языке

В освоении новых слов в русском языке видны три основных способа. В первом случае влияние иностранного слова или словосочетания даёт слову в русском языке новое значение, которое уже существует в языке-реципиенте. Например

слово "ниша" уже значит не только "углубление в стене", но и обозначает "характеристику положения вида в биоценозе, определяемого отношениями с другими членами сообщества и приспособленностью к определённым физико-химическим условиям среды", то есть ему приписываются новое значение (Лейчик 1982: 45.)

Во втором случае новые слова "строятся" из чужого с помощью наличных элементов. Здесь имеются ввиду словообразовательные элементы языка: корни, приставки и суффиксы. Таким образом, чтобы переводить французское словосочетание "*L'essai de vibration*" было создано слово "виброиспытание". В этом случае новое слово образовано по правилам конструирования слов русского языка, но когда слово возникает способом, который не типичный русскому языку, мы имеем, по Лейчику, третий случай заимствования. (Лейчик 1982: 45.)

Третий случай и способ всегда необходим тогда, когда слово нельзя перевести точно и одним словом на другой язык, а требуется какое-то дополнительное объяснение. Такие случаи часто связаны с культурой или традицией страны и касаются понятия, находящегося только в данном обществе. (Лейчик 1982: 45.) Возьмём, например, некоторые слова и сокращения коммунистического периода, как: "совет", "комсомол", "ВАЗ", "ГАЗ", "КПСС" и т. п. При переводе, хотя бы на финский язык, эти слова оказываются проблематичными.

Если заимствования рассматриваются подробнее, то возможно сделать такие общие замечания, что разные элементы заимствуются по-разному: чаще всего слова, а звуки реже. Далее, количество заимствований всегда связано со временем: в определённый период язык свободно воспринимает элементы других языков, но иногда очень разборчиво. (Лейчик 1981: 131.) В редких случаях обогащение словарного состава даже запрещено государством. Вспомним новые законы, принятые Францией, которые сильно борются с влиянием иностранной лексики во французском языке. Там уже незаконно использовать слова чужого происхождения в телевидении и в газетах, если когда их можно заменить французским соответствием.

Тенденции заменить заимствованные слова своими встречались также и в русском языке. Например, в начале нашего столетия русские славянофилы пытались заменить слово "галоши" словом "мокроступны" и слово "горизонт" словом "окоем" (Лейчик 1981: 135). Сегодня эти попытки кажутся крайне смешными, но как уже сказано, эта тенденция существует и сегодня.

Итак, словарный состав любого языка изменяется и расширяется постоянно. Эти перемены обычно связаны с изменениями культурной, экономической или духовной жизни данного общества. Если рассматривать новые слова с точки зрения устойчивости, то их можно делить на две группы: устойчивые (старые, общепринятые слова) и неустойчивые (неимеющие непосредственное отношение к насущному, например, диалектные слова).

Если рассматривать языка с точки зрения процесса заимствования, то мы можем констатировать, что оно является самым обычным и удобным способом в обогащении словарного состава. Что касается русского языка, то он заимствовал слова особенно из немецкого, английского, французского, скандинавских и прибалтийско-финских языков, в том числе из финского языка. Все эти новые слова подчинялись словообразовательной, лексико-семантической и фонетической обработке в русском языке. В следующей главе мы рассмотрим заимствования в русском языке географических названий, из многих которых включают в себя элементы финского языка. Кроме этого познакомимся с той областью науки, которая изучает географические названия - с топонимикой.

3 ТОПОНИМИКА

3.1 Развитие топонимики в России

Уже в начале цивилизации люди интересовались изучением географических названий. Наша предки, как и мы сегодня, пытались объяснить происхождение того или иного географического названия. Этим разделом языкоznания занимались уже древние греки. На Руси интерес к топонимике возник давно. Пионерами в этой области считают учёных средневековья: Мовсеса Хоренапи и Махмуда Кашгарского, работы которых приводятся в русских летописях. Изучение топонимики того времени нельзя ещё считать научной дисциплиной. (Мурзаев 1974: 28.)

Большое внимание на топонимику как науку начали обращать в России в XVII веке. С этого времени изучение географических названий стало постепенно серёзной областью сегодняшнего языкоznания. Из работ нашего века следует отметить работы М.А. Кастрена, который в том числе изучал топонимическую этимологию финно-угорских языков. Топонимией финно-угорских языков занимался и Д.П. Европеус, который, в частности, показал значение топоформантов -енга, -енъга на территории России. Изучением финно-угорских топонимов занимался тоже А. М. Шегрен, который заметил

происхождение суффиксов: -йонга, -енъга, -йега, -ога, -га от финского *joki* "река". Важные топонимические сведения содержит также "Толковый словарь живого языка великорусского" В.И. Даля. (Мурзаев 1974: 31.)

Из работ последних времён мы должны отметить многочисленные публикации А. К. Матвеева, посвященные изучению субстратных топонимов финно-угорского происхождения в северной России. (См. "Вопросы языкознания" 3/1993, 2/1995).

3.2 Задачи и понятия топонимики

Названия географических объектов возникли из потребности людей. Уже издавна каждое общество считало поименование сел, лесов, рек и озёр необходимым, чтобы каждому члену в данном обществе было ясно, о каком месте идёт речь. Сегодня географические названия помогают нам в ориентировке и коммуникации между странами и народами. Мы должны заметить, что значение топонимов не ограничивается только адресной функцией. Они тоже важные источники исторических событий, поскольку они создавались в течение времён и всегда говорят о каком-то народе, часто уже исчезнувшем в этом ареале или о миграции, о войне, о культурном развитии его.

Топонимическая картина нынешнего мира формировалась как результат миграции народов и ассимиляции своих предшественников. Очевидно, что всегда новые пришельцы приносили с собой новую топонимию, сохраняя старую до какой-то степени. Топонимическая картина перерабатывалась и в конце концов создалась новая картина, которая на любой территории разноязычная и разновозрастная. (Последов 1996: 63.)

Таким образом топонимика находится на стыке трёх наук: истории, географии и лингвистики (Мурзаев 1974: 4). Каждая научная дисциплина выбирает свой подход к этой теме поддерживая друг друга. В нашей работе нам нужна лингвистическая точка зрения, с помощью которой можно понять,

например, роль разных суффиксов и найти язык-источник какого-то названия. Ниже мы приводим некоторые основные термины топонимики определенные Мурзаевым (1974: 20):

Гидроним - собственное название реки, озера, ручья, болота, источника, колодца.

Калька - переводная копия названия, меняющая форму названия, но не его содержание.

Местные географические термины - то же народные, то же нарицательные - указывают на род или вид географического объекта.

Ойконим - название населенных пунктов: города, села, деревни. Субстрат - топонимический слой, который состоит из элементов предшествующих языков и народов.

Топонимика - учение о географических названиях.

Топонимия - совокупность собственных географических названий какой-то области или края.

Топоним - любое собственное географическое название.

Этнонимические географические названия - названия, которые возникли из наименования народов, племён, родов.

3.3 Топонимия как народное творчество

Э.М. Мурзаев в своей книге "География в названиях" рассматривает географические названия как народное творчество. С этим легко согласиться. Номинации разных участков ландшафта возникли часто из потребности людей, живущих на той территории. Им нужно было определить названия поля, рек и озёр, чтобы понять о каком сенокосе или пастбище идёт речь. С этим связано и такое логическое явление, что густонаселённые местности ноименовались очень точно уже издавна, но местности, которые не увлекали людей, сохранились без номинаций.

Итак, как уже знаем, географический объект не может сам себя называть. Ниже приводятся разные пути формирования и становления названий. Самый обычный путь формирования географического названия - это путь, когда название возникает из-за какого-то признака, присущего какому-то географическому объекту. Такими очень заметными признаками могут быть:

форма озера, цвет его воды, высота и форма определённого холма или горы и т.д. Так, почти всегда топоним и входящий в него местный термин по смыслу прямо соответствуют называемому географическому объекту. Это Мурзаев (1974: 123) называет топонимическим позитивизмом. В эту группу входят также названия населённых пунктов земли. Например, одно село построено выше другого по берегу реки и таким образом возникли определения: верхнее, нижнее.

Значит, все эти местности включают в себя какой-то физико-географический элемент, по которому они поименованы. Конечно, если бы все географические названия формировались таким путём, существовал бы очень ограниченный выбор разных названий. Всё же, это не так.

Вторая большая группа топонимов состоит из слов иноязычного происхождения. Этим объясняется совсем непохожесть друг на друга географических названий на довольно малой территории. (Мурзаев 1982: 24.) В течение времени народы и языки смешивались друг с другом на общих местожительствах двух или более народов и, конечно, каждый народ поименовал места на своём языке. Но часто путь формирования какого-то топонима иноязычного происхождения такой, что первые обитатели той или иной области оставляли свои названия народу, пришедшему позже в ту же область. В таком случае географические названия, данные первым народом, перешли в язык другого народа, приспосабливаясь к его системе. При приспособлении внешняя форма слов часто изменяется и толкование происхождения слов оказывается сложным.

Говоря об иноязычных топонимах в русском языке, надо помнить, что территория сегодняшней России в течение веков была на маршруте десятков народов, ищущих свои постоянные местожительства. И, поэтому, топонимическая система русского языка очень пёстра. Что касается топонимов финно-угорского происхождения, то следы этой культуры в топонимах мы можем найти больше всего в Карелии, Калининской, Ярославской и Рязанской областях.

Нам ещё остаётся добавить несколько слов о путях усвоения русским

языком иноязычных топонимов. Исследовав возможности передачи финно-угорских названий на русский язык, М. Фасмер нашёл четыре способа передачи: 1) эллипсис, например фин. Kuohujoki -- рус. Кучу -- Кухва, 2) фонетическая или морфологическая субSTITУция: фин. Särkijärvı -- рус. Серегерь, 3) частичная калька: фин. Kotkajärvı -- Коткозеро и 4) полная калька: фин. Kirvesjärvı -- Топорнозеро. Финно-угорские топонимы заимствованы в язык славян больше всего способами 1 и 2, которые свидетельствуют о том, что славяне, пришедшие на Русский Север либо вообще не поняли язык балтов и финских племён, либо знали язык так хорошо, что переводы оказывались ненужными. (Агеева 1989: 114.)

3.4 Смыловые изменения в топонимах

Рассматривая местные географические термины, можно сказать, что они часто изменяют свою форму и содержание в зависимости от употребления термина и от окружающей среды. Ясно, что при заимствовании какого-то термина люди могут понять его содержание по-разному. Из этого вытекает, что употребление термина становится у людей разноречивым. Например слово *кенда* в олнецком говоре обозначает возвышенное место на болоте, но финский оригинал *kentä* - это поле, ровная площадь. Также слово *лахта* обычно обозначает какой-то залив или бухту, но также и клин леса, выходящий на пожню.

Кроме изменений в содержании, термины почти всегда получают несколько разные формы в языке-реципиенте. В нашем материале слова претерпевали только мелькие изменения в своих формах и общее оригинальное слово легко обнаруживается. От финского слова *lemi* "сырой луг" образованы варианты: лема и лемица, последующая некая уменьшительная форма. Тоже финское *salmi* "пролив" появляется в формах: салма и соломя, зависимая от диалекта.

Смыловые изменения происходят также из-за распространения терминов на обширную территорию. Хорошим примером здесь служит

иллюстрация сделанная Мурзаевым (1974: 112). В ней показаны смысловые и фонетические изменения термина “соп” (озеро) на территории от Финляндии до реки Обь в средней России. Источником этого термина был какой-то финно-угорский язык, вероятно, ненецкий или удмуртский язык, но сегодня “соп” встречается в финском языке в виде *saari* “остров”, в карельском *soari* - и ещё во многих русских диалектах. (См. карту №. 3)

Как же объяснить всё это? Несмотря на большие смысловые изменения термина “соп”, его употребление на такой огромной территории нельзя считать случайностью, а, с другой стороны, никто ещё не дал убедительного ответа на этот вопрос. Сам Мурзаев (1974: 119) признаёт, что идентичность таких терминов вызывает скепсис, но всякая критика должна быть конструктивной и помогать в отыскании фактов.

Таким образом, географические названия выполняют не только адресную функцию, но и являются живыми источниками исторических событий в жизни каждого народа. Топонимы формируются разным путём: 1) Название возникает из определённого признака, присущего данному географическому объекту, 2) Название имеет иноязычный корень.

Топонимы чужого происхождения редко сохраняются в языке-реципиенте в оригинальном виде, а часто претерпевают изменения. Смысловые изменения происходят из-за несоглашений и недоразумений в коммуникации между людьми, и тоже из-за распространения названия на широкую территорию. Следующая глава посвящена изучению и классификации финских топонимов в русском языке в широком понимании номинации: имена собственные (речные имена, названия населённых мест) и имена нарицательные (явления природы, земельные угодья, части ландшафта и т. д.)

4 ТОПОНИМИЯ КАРЕЛИИ

Топонимика, т.е. изучение географических названий, является одной из самых важных задач в изучении финских заимствований в русском языке. Финляндия и Россия имеют не только длинную общую границу, но и взаимные языковые и культурные контакты с древнейших времён. В этих контактах очень важную роль играла Карелия и её народ.

Племена, говорящие на родственных финскому языках, жили уже в эпоху викингов на юго-востоке от Ладожского озера. Там они занимались рыболовством, охотой и торговлей, но они редко устанавливали контакты с другими народностями. Постепенно началось продвижение славян с юга на север. Славяне продвигались на север, надеясь найти более богатые охотничьи угодья. Финские племена отошли на север. В конце концов финны и славяне стали соседями и началось их долговременное взаимное общение. (Kirk. 1994)

Что касается топонимики, то в основном славяне заимствовали финские названия деревень, озёр, рек и т.д., так как финские племена были первыми поселенцами этого края. О путях формирования русских топонимов в Карелии А. И. Шилов (1996: 67) сказал, что они, прежде всего, возникли путём калькирования старых прибалтийско-финских названий. О роли финских заимствований в русских топонимах А. О. Орлов сказал, что вся большая европейская часть России сложена финно-угорскими топонимическими элементами (Мурзаев 1974: 46.)

4.1 Грамматическое разделение финских топонимов Карелии

В топонимической лексике можно различать и такие группы: 1. Имена нарицательные 2. Имена собственные. В нашей работе нарицательный топоним : лахта, от фин. lahti и арай от фин. aro, значит понятие, которым описывают форму ландшафта, тип болот или залив, земельные угодья и т. д. Собственные географические названия, со своей стороны, стали уже "официальными" названиями деревень, рек и озёр, таковы: Тихвин, от фин. tihkua, Нева, от neva и Луга от Laukaa.

Всё же процесс поименования местностей бесконечный и часто нарицательные названия становятся собственными. Первые названия какого-либо района были только нарицательными именами для явлений окружающей среды, которые возникли через непосредственное общение человека с природой. Только с культурным развитием данного общества система географических названий складывалась как одна из лексических категорий языка. Названия мест типа: Бор, Гавр и Городок образованы из простых, нарицательных слов. (Мурзаев 1974: 98.)

4.1.1 Имена собственные

Географические названия никогда не возникают случайно, а всегда за ними кроется сознательный человеческий процесс номинации. Как уже сказано, большинство из названий было в первом ряде нарицательные слова-термины, получившие свои собственные формы только в течении времени. Всё же, после становления собственными именами, они не потеряли свой описательный характер. Находящиеся в сфере функционирования социальной информации, собственные имена, показывают нам всю культуру: 1) природные условия, 2) торговые отношения, 3) идеологию и мораль общества, 4) культурное и

духовное наследие и 5) художественное творчество данного народа (Агеева 1989: 16). Информационная тенденция проявляется больше всего в гидронимии, а реже в названиях населенных мест (Мурзаев 1995: 3).

Ниже мы приводим некоторые иллюстрации собственных географических названий, происхождение которых многие исследователи считают финским или финно-угорским.

4.1.1.1 Речные имена

Многие названия рек сохранили свою форму номинации в географической терминологии очень надолго. Несмотря на незначительные изменения, они являются самыми устойчивыми топонимами, например в сравнении с названиями населённых пунктов. Речные имена интересны и с точки зрения их информационного содержания, поскольку они обладают разными сведениями о людях, живущих по берегам данной реки или путешествующих по ней. Близость воды и хорошее сообщение из одного села в другое привлекали ранние общества и поэтому ясно, что следы первых цивилизаций имеются именно на речных побережьях. (Мурзаев 1995: 40.)

Волга - о происхождении названия этой реки есть много разных и в том числе интересных интерпретаций. Некоторые исследователи считают, что это от слова "волк" или от слова "иволга" а другие считают возможным заимствование от прибалтийских языков: эстонское valge и фин. valkea "белый". (Мурзаев 1982: 80.)

Ловать - река в Новгородской области. Из фин. Alvatti "вывод рыбы" или из lavea "широкий" (Фас. 1967: 508). Всё же происхождение этого гидронима нельзя считать ясным, потому что Ловать может иметь также балтийские корни и являться заимствованием из финского языка на русский через какой-либо балтийский язык (Агеева 1985: 97).

Луга - река в Ленинградской обл. Фин. название той же реки -

Laukaanjoki. По мнению Мурзаева (1982: 51), этимология города Луга и реки Луга остаётся загадкой. Возможна связь с балтийскими словами *luga*, *liugas* - болото, лужа и с эстонским *lauhaan* - топкий.

Мста - река в бывшей Тверской и Новгородской губернии, впадающая в озеро Ильмень. Из фин. *musta* "чёрная" (Фас. 1967: 668).

Нева - река, связывающая Ладожское озеро и Фин. залив. Из фин. *Nevajoki* от *neva* "болото". (Фас. 1971: 54 и Мурзаев 1984: 392.)

Свирь - река, вытекающая из Онежского озера в Ладожское озеро. Возможно заимствование из фин. *syvä* "глубокий", так как она отличается большой глубиной. (Фас. 1971: 580.)

Серегеж, Серегиж - название ручья в Новгородской губернии. Из фин. *Särkijoki* от *särki* "плотва". (Фас. 1971: 607.)

Несмотря на устойчивость гидронимов, они иногда изменяются в течение истории и поэтому имеют разные формы. Например название реки Шалонь, впадающей в озеро Ильмень, встречается в формах: Шелонь, Шолонь, Шолона и Сделон. Обычно предполагается, что Шалонь получила своё название от славян или от балтов, но финский учёный Я. Калима образовал этот гидроним от финского слова *salo* - "лесной остров". Пока никто не отвергает его мнение, мы должны ещё раз констатировать, что происхождение Шалони остаётся загадкой. (Агеев 1985: 100.)

4.1.1.2 Названия других водных пространств

Вирианское море - Балтийское море и его часть. Производное от фин. *Viro* - Эстония (Фас. 1964: 319).

Кандалакша - залив в сев.-зап. части Белого моря. Фин. *kanta* "голова, верхушка" и *lahti* "залив" (Фас. 1967: 178 и Мурзаев 1984: 253).

Ладога - об этом великом водоёме существуют письменные памятники уже от XIII века и её история изучалась почти три столетия. Древнее финское название этого озера было *Venenmeri* "Море русских", но в торговых документах

оно было уже в форме Альдога, в которых говорилось о городе Алдейгабурге, основанном Рюриком. При заимствовании в древнерусский язык "алд" закономерно изменилось на "лад". Вторая очень убедительная версия о происхождении этого названия такая, что оно от финс. *aalto* "волна", *aallokas* "волнистый" (Герт 1982: 58).

Есть и третье толкование, по которому название реки и озёра Ладога возникло из прибалтийско-финских слов *ala djoki* "нижняя речка", так как река Ладога находится ниже реки Волхов. (Мурзаев 1982: 78.) С этим мнением соглашается также А. И. Попоп (1981, 91.) Фасмер (1967: 448) считает слово *aallokas* "волнующийся" началом этого названия, но по его мнению, никакая речушка (ср. *ala djoki*) не могла дать свое название большему озеру.

Онежское озеро - звукоподражательное название, так как по-фински *Äänisjärvi* от *äänen* "звукный", *ääni* "голос" (Фас. 1971: 141).

4.1.1.3 Ойконимы в финско-русской топонимии

Названия городов, сёл, деревень и других местожительств составляют большую часть топонимии каждого района. Ойконимы, в первом числе, выполняют адресную функцию, то есть, они отличают одно место от другого, указывают местоположение села или города. Таким образом, в современном обществе ойконимы отвечают, больше всего, требованиям административного управления. (Послепов 1996: 3.)

Кроме этого, ойконимы являются плодотворными объектами изучения географов, историков и лингвистов. Ойконимы часто дают информацию о первых поселенцах, о миграции народов, об изменениях власти на этой территории и так далее. По словам Послепова (1996: 6) главная задача ойконимов - это дать историко-географические сведения.

Названий сельских поселений, образованные от народных географических терминов, встречается много. Это объясняется тем, что это самый простой способ поименования мест, чтобы отличить их друг от друга.

Наблюдая свою близкую окрестность люди замечали какую-то особенность в природе: характер берегов, специфику растительности, по которой они поименовали это место. Так, город Олонец на вост. берегу Ладожского озера находится, вероятно, на низине, поскольку источником названия города можно считаться фин. слово *alanko* "низина" (Фасмер 1964: 135). Очевидно, какая-то специфика природы отражается тоже в названии города Тихвин (в Ленинградской области). Оно происходит от фин. *tihkua* "просачиваться".

Стремление поименовать места по географическим объектам хорошо видно в многочисленных названиях с топонимом Кивач. Эти названия с основой "киви", фин. карел. *kivi* "камень". Их очень много особенно в микротопонимии - в названиях маленьких географических объектов, например водопад Кивач на реке Суне, впадающей в Онежское озеро (Фас. 1967: 228). Многие знаменитые учёные, такие как: Я. Калима, М. Фасмер и В. Никонов считают, что Кивач происходит именно от финского слова *kivi* "камень" или *kiivas* "бурный", но, например, Н. Шайжин связывает этот топоним с финским словом *kinos* "сугроб" (Герт 1982: 51).

Карельская топонимия характеризуется тем, что ойконимы часто происходят от названий довольно маленьких рек и озёр, потому, что они могут точнее определить местоположение села или деревни, чем ойконимы, данные по крупным озёрам. Обычно села названы только по мысам или заливам и получаются ойконимы типа: Куусиниemi, Luusalma и Ювалакsha, где niemi - "мыс", salma - "пролив" и laksha - "залив". Форма рельефа оказывала влияние на названия: Койвесельга и Речная Сельга, в которых сельга - "вытянутая возвышенность". (Послепов 1996: 21.)

Особенности ландшафта описываются тоже в ойконимах: Вичуга - город и река в Ивановской области. Согласно Никоновым (1966), Фасмер (1964) считает возможным, что это гидроним из фин. *viehkä*, "красивый" или *vietto* "отлогость" и Гирвас - название по образцу которого существуют многие названия сёл и в Карелии и в Финляндии. Происходит из фин. *hirvas* "олень-самец". Употребляется в таком же значение в архангельском диалекте. Герт (1982: 43) пришёл к такому выводу, что происхождение этого слова лежит в

глубокой древности, когда каждый народ имел свой тотем - какие-то животные или птицы в виде покровителя.

Интересным по происхождению можно считать и ойконима Каргополь - город в Архангельской области. Упоминается первый раз в Новгородской летописи в 1448 году. Обычно его связывают с финскими словами *karhu* "медведь" и *puoli* "сторона" (Фас. 1967: 196), но по мнению Послепова (1996: 44), первый элемент может быть заимствование от саамского *kargo* - "холм между болотами" или от карельского *karg* - "боронить" а второй элемент - *puoli* - это русское переосмысление в "поле". Всё же, большинство учёных соглашается с мнением Агеева (1989: 216), согласно которому в основе этого ойконима лежит финское *karhu*.

В карельской топонимии встречается ещё один спорный ойконим - это Шуя - город в Ивановской области и один из знаменитых рек Карелии. М. Фасмер (1966) считает, что слово происходит из фин. *suja*, *sula* "талый". Среди исследователей живёт и такое мнение, что этот топоним возник от славянского слова "шуйца" - левая рука, в отличие от "десницы" - левой рукой, при помощи которых различались левые и правые притоки рек. Всё же Герт (1982: 95) отвергает это толкование, так как эти слова нигде не употребляются закономерно в наименовании левых и правых притоков. Третье толкование топонима Шуя такое, что Шуя происходит от прибалтийско-финского слова *suo* - "болото". Мурзаев (1995: 40) считает происхождение названия Шуя по крайней мере неясным, но он в этом деле не видеть ни каких влияний финских слов. По мнению Мурзаева, в названии Шуя видно только продвижение по рекам славянов с юга на север.

4.1.1.4 Топонимы и этнонимы

Географическое название какого-то места иногда связано с названием народа или племени, занявшего это место. Отсюда следует, что человек, изучая топонимику, должен познакомиться и с этнографией, так как в мире

существуют тысячи городов и сел, получивших свои имена от определённого народа. Мурзаев (1982: 37) подтверждает это таким примером, как город Париж, названный по имени галльского племени паризии. В книге даётся также хорошие, примеры связанные с нашей темой.

Название древних прибалтийско-финских народов - чудь, является происхождением названий озёр: Чудского, Чудина и населённых пунктов: Чудь, Чудский Бор и т.д. Другое финно-угорское племя, веси или вепсы, дало название городам: Череповец, Мадовесь и Луковесь. Этнонимы имеют такое практическое значение, что они помогают в определении местожительств уже исчезнувших народов (Последов 1996: 28). Кроме выше упомянутых есть такие примеры: ямь - название финской племени от слова Hämē - область в Финляндии и сумь - финны ,от фин. Suomi - Финляндия.

4.1.2 Имена нарицательные

Одна главная группа, находящаяся очень близко с топонимикой по тематике, состоит из слов, обозначающих названия разных местностей и земельных участков. Люди, которые жили на территории нынешней Карельской Республики, занимались подсечной системой земледелия. Славянам, которые пришли на эту территорию, такая система земледелия была неизвестна, поэтому они просто заимствовали такую лексику. В эту группу входят также слова, которые обозначают понятия и явления карельской природы.

Приведём несколько таких слов из этимологического словаря русского языка М. Фасмера. Мы должны отметить, что многие слова следующего абзаца живут только в диалектах и поэтому являются неизвестными многим россиянам. В скобках ссылка на диалекты: (арх.) - архангельский диалект, (волог.) - вологодский диалект, (кемск.) - кемский, (кольск.) - кольский, (костром.) - костромской, (лужск.) - лужский, (новгор.) - новгородский, (новосибирск.) - новосибирский, (олон.) - олонецкий диалект, (perm.) - пермский, (петерб.) - петербургский, (петегоф.) - петергофский диалект, (псковск.) - псковский, (тверск.) - тверский, и (ярославск.) - ярославский диалект. О локализации мест и говоров, смотрите карты 1 и 2 в приложениях.

4.1.2.1 Водное пространство

Большинство слов, обозначающих водное пространство, описывают формы озёр и береговой линии. Интересно заметить, что многие из этих слов получили совсем иные значения в языке-реципиенте, далеко не совпадающие с языком-источником. Одно такое слово, которое имеет несколько значений в русском языке - это слово *лахта* финского происхождения. Фасмер (1967: 467) даёт этому слову объяснение, которое полностью отвечает финскому оригиналу: Лахта - небольшая морская бухта. Из фин. *lahti* - то же (Фас. 1967: 467), (сев.великорусс. диал.). Кроме этого лахта может обозначать другие явления природы, которые перечислены в словаре русских народных говоров (16: 296): Лахта - 1. Небольшой морской залив. 2. Не заросшее травой место водоема. 3. Болотистое место в лесу. 4. Клин леса, выходящий на пожню. 5. Сенокосная пожня, впадающаяся в лес.

Диалекты русского языка включают в себя ещё несколько слов для обозначения пролива. Слово *салма* - пролив, по мнению Фасмера, из фин. *salmi* (арх, олон.), (Фас. 1971: 550). С Фасмером соглашается и Мурзаев (1984: 494), который нашёл слову *салма* ещё другое значение: пролив между берегом и островом, между островами. Фонетически и своим значением недалеко от слова *салма* находится слово *соломя*: *соломя* - морской пролив. Из фин *salmi* "пролив" (Фас. 1971: 713 и Мурзаев 1984: 513), (сев.великорусс. диал.).

Кроме выше упомянутых, имеются слова, тоже семантически связанные с водным пространством: *нива* - 1. Небольшой водопад. Заимствование из фин. *niva* "узкий ручей, поросший густым кустариком" (Фас. 1971: 72). 2. Небольшие пороги на реках (СРНГ 21: 219), (арх.), слово *хорь* - островок на реке или озере. Возводится к фин. *kari* "утес" (Фас. 1972: 270), (новгор.) и слово *мандера*, *мандара* - 1. Берег, суши, континент. Из фин. *mantere* "материк" (Фас. 1967: 568). 2. Лес на берегу (СРНГ 17: 356), (олон.).

4.1.2.2 Лёд и снег

После того, как славянские племена поселились рядом с финскими, они познакомились и с новой, северной природой с разнообразием номинаций в финском языке природных явлений. Даже, не зная названий до тонкостей, новые поселенцы нередко заимствовали слова из финского языка. Например: *Бухта* - 1. вода, насыщенная снегом на льду. Из фин. *uhku* "наледь" (Фас. 1964: 256). 2. Вода со снегом на поверхности льда (СРНГ 3: 325) (арх.), *калтак, калтан* - мелкая лыдина в море. Из фин. *kaltio* "гололедица" (арх.) и ещё когва - 1. Замерзшая наледь. Из фин. *kohva* (арх.) 2. Тонкий лёд, намерзающий весной от морских приливов сверх толстого зимнего, Арх. 3. Обледеневший после оттепели снег, (арх.), (СРНГ 14: 41).

Как мы видим, лёд и снег, пришедшие из финского, являлись веществами, которые оказали влияние на словарный фонд русского языка. Возьмём ещё несколько примеров: Рупок - крупная лыдина. Из фин. *gioras* "куча камней" (арх.), (Фас. 1971: 519). Существует также форма *ропак(а)* - нагромождение льдов (Мурзаев 1984: 483). Тюка - снег, иней. Из фин. *tykkä, tykkö* "большой кусок, колода" (олон.), (Фас. 1973: 134). Шуп - первый лёд на реке осенью. Из фин. *suppu* "кашеобразный затор из льда на реке" (Фас. 1973: 487 и Мурзаев 1984: 631). (тверск.)

4.1.2.3 Болота

Очень значительную роль в финско-русской топонимии играют многочисленные названия болот. Финские заимствования в этой группе употребляются особенно в архангельском и олонецком говорах.

Арай - болото, заросшее камышом. Из фин. *ago* "мелководный залив, заросший хвощами" (Фасмер 1964: 82). Значение слова отличается в Пермской области: болото, на котором ничего не растёт (СРНГ 1: 266). Отсюда следует, что название болот возникли тоже от потребности людей определить уровень

растительности на болотах. Об этом свидетельствуют слова типа: рябы, шайма и янга. Рябы - это малорослый лес на болоте или тундре. Это слово является словом западно-финского происхождения, ср. гääriö "непроходимое место, топь" (Фас. 1971: 536), (арх.). С другой стороны, Шайма - это болотистое место с чахлым березняком. Возможно из фин. saima "водоём" (Фас. 1973: 395 и Мурзаев 1984: 623), (олон.). Третье слово янга, янг - это моховое, топкое болото, поросшее небольшим сосновым лесом. Из фин. jänkä "большое болото" (олон.), (Фас. 1973: 557 и Мурзаев 1984: 649.)

Топонимы, упомянутые выше, описывали тип болот с какими-то растениями и, естественно, можно предположить, что ещё существует слово, которое имеет совсем другое значение. Это слово уйта: чистое моховое безлесное болото. Из фин. uitti "перешеек между двумя протоками" (арх.), (Фас. 1973: 155). Надо добавить, что уйта в определенных говорах обозначает чистые берёзовые насаждения, образующиеся после расчистки болот (Мурзаев 1984: 573).

Дополнительные сведения о слове "уйта" даёт А. И. Попов (1955: 10). Он напоминает, что в некоторых русских говорах это слово звучит иначе (оет), но значения слова отличаются мало и обязательно слово пришло в русский язык из какого-то финно-угорского языка. Попов пришёл к выводу, что "уйта" и "оет" имеют именно прибалтийско-финское происхождение, ссылаясь на распространение слова к западу, до северной части Новгородской области.

Поскольку здесь речь идёт о болотах, то нельзя забывать основной характер болот, это то, что отличает их от обычной почвы. Это конечно сырость. В заимствованной диалектной лексике русского языка встречается по крайней мере три слова, которые определяют сырость почвы. Лема, лемица - трясина. Из фин. lemi "сырой луг, болотистая почва" (Фас. 1967: 479), (олон.), лива, лыва - зыбкое, топкое место в болоте, лужа после дождя, густой лес на болотистой почве. Из фин. liiva "ил, тина" (Фас. 1967: 539 и СРНГ 17: 41), (олон.) и ути - топкое место. Из фин. ukki "лужа, бочажина" (Фас. 1973: 174), (олон.).

К словам, предназначенным для определения типа болот, нам осталось отнести ещё два: павна и кенда. Первое из них, павна, обозначает проточный

ручей в болоте. Из фин. *rauna* "лужа" (Фас. 1971: 182) или в архангельском говоре просто топкое болото (СРНГ 25: 111). Второе слово, кенда имеет даже три значения: 1. Возвышенное, заросшее место на болоте. Из фин. *kentä* "твёрдая почва" (Фас. 1967: 222). 2. Песчаный возвышенный берег озера. 3. Возвышенное невозделанное поле (СРНГ 13: 180), (олон.).

4.1.2.4 Возвышенности ландшафта, холмы и горы

Калима писал (1952: 362), что названия всяких природных явлений финского языка почему-то привлекали русских, может быть своей выразительностью или точностью. Всё же, это остаётся загадкой. Например слово *vära* - крутой холм, скалистая гора на берегу моря, очень точно определяет свой предмет и наверное оно из фин. *vaara* "лесистый холм" (Фас. 1964: 273), (арх.).

Вара имеет также несколько других значений: 2. Скалистый остров в море 3. Лес на возвышенном берегу моря (СРНГ 4: 40). Тоже общерусское слово *тундра* не только равнина, но и в вологодском диалекте *тундра* - это высокая безлесная гора, из фин. *tunturi*. (Фас. 1973: 120.) Как научный термин *тундра* известен уже более 100 лет. Слово отмечено в письменных памятниках с 1631 г. и это помогает нам в определении момента заимствования (Мурзаев 1984: 564). Мы должны заметить, что кроме русского языка термин тундра вошёл тоже в международный научный язык и используется, например, во многих европейских языках. Это одно из тех немногочисленных случаев, когда слово финского происхождения стало известным термином вне Финляндии.

4.1.2.5 Земельные угодья, леса и равнины

Общеизвестно, что перед усвоением современного земледелия в Финляндии, особенно в её восточных частях, занимались подсечным земледелием. Для славянских племён эта была совсем новая сфера жизни и финны были для них

в качестве учителя. Таким образом слова типа: китовина - подсека, засеваемая во второй раз, заимствовалось из фин. *kutö* "площадь, очищенная от леса" (оло.), (Фас. 1967: 241), как и кедовина - раскорчеванный участок с новой порослью. Из фин. *keto* "травянистая почва" (оло.), (Фас. 1967: 220). Попов (1996: 30) добавляет, что важность подсечно-огневого земледелия на Руси, долгое существование этого способа земледелия и его распространение по всей лесной зоне сформировали точную терминологию для всех этапов подготовки и использования участков. Это не могло не влиять на местные географические названия.

Более новая система земледелия, выращивание зерновых, тоже принесла с собой некоторые слова: кипины - 1. Палки для укрепления снопов. Из фин. *kerpi* "палка, жердь" (Фас. 1967: 236). 2. Жерди, на которых сушатся снопы в риге (СРНГ 13: 216) и слово: тукач - сноп, связка. Из фин. *tukku* "куча, связка" (Фас. 1973: 116). С земледелием тоже связано слово кярба - срубленный, суковатый ствол дерева, используемый в качестве примитивной лестницы на стог. Из фин. *kärväs* "суковатая жердь - остав копны" (Фас. 1967: 441 и СРНГ 16: 210).

Из названий ровных, может быть подходящих к земледелию, характеристика ландшафта заимствовались слова: кедовина - заброшенная нива (СРНГ 13: 173), (олон.) и алодь - поляна, обширная и ровная местность. Из фин. *alue* "то, что внизу" (арх.), (Фасмер 1964: 72). С другой стороны были части земли, которые никак не подходили к земледелию, как например: лайда - 1. Илистая песчаная отмель. Заимствование из фин. *laito*, родительный падеж *laidon* "мелкий, неглубокий" (Фас. 1967: 451). 2. Низкое место, заливаемое в половодье водой. 3. Глущь, захолустье (СРНГ 16: 247), (арх.).

Другой тип равнины: тундра - равнина на крайнем севере России, тоже из финского слова *tunturi* "безлесная гора" (Фас. 1973: 120). Слово стало общерусским, но как показано, значение его изменилось на обратное. Всё же, в некоторых говорах русского языка слово тундра сохранилось своё оригинальное значение "безлесная гора".

Название леса перешло в русский язык мало, только одно слово: сузём -

1. Глухой, дремучий лес. Из фин. sysmä "лесная глупь" (арх.), (Фас. 1971: 797).
2. Густые, большие леса, труднодоступные, глухие. С лесом связано тоже слово пялуса - лесная тропа. Из фин. palas "дорога в лесу" (Фас. 1971: 423), (арх.). Надо заметить, что сузём встречается в русских летописях уже с 1691 г. (Мурзаев 1984: 530).

4.1.2.6 Явления природы и погоды

Из слов финского происхождения для определения погоды в говорах сохранились слова: гемеря, ямеря - сумерки. Заемствование из фин. и карельск. hämärä "сумерки" (Фас. 1964: 401 и СРНГ 6: 166), (олон.) и юлега - шум, ураган. Из фин. ule, ulo "холодный весенний ветер, туман", (Фас. 1973: 530), (олон.).

Холодная северная погода представена тоже в словах: какаруша - замёрзший кал, из фин. kakkara "ком земли" (Фас. 1967: 162), (олон.) и ровкач - замерзшая комками земля. Из фин. roukko "неровный лёд", (Фас. 1971: 489), (олон.).

Определенным явлением природы можно считать и слово курмыш - круглая, конусообразная яма ледникового происхождения, на дне которой лежат камни. Возможно из фин. kuingta "надрез разрез" (Фас. 1967: 426), (петерб.).

В конечном итоге о топонимических названиях финского происхождения областей России можно сказать следующее: топонимы такого типа формировались в результате культурных и языковых контактов финских и славянских племён в общих местожительствах, особенно на территориях Карелии и Архангельской области. В нашем материале топонимы разделяются на: имена собственные и имена нарицательные. Некоторые собственные имена как: *Ладога* и *Нева* существовали уже со времен первых цивилизаций этих областей и поэтому их происхождение нельзя считать решенным. Всё же, многочисленные научные работы показали, что в этих топонимах видны следы финских языков. Наоборот, финское происхождение нарицательных

топонимических имён не так оспоримое. Они встречаются в говорах (особенно в архангельских и олонецких говорах) русского языка при описании болот, водных пространств, гор, лесов и т. д. Имена нарицательные характеризуются тем, что они часто имеют больше чем одно значение и они могут быть совсем противоположные. Например *лахта*: 1) морской залив 2) болотистое место в лесу.

5 СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДРУГИХ СЛОВ ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Общаясь друг с другом, народы оставляли свои следы не только в топонимике другого языка, но и разных областях его лексики. Славянские племена заимствовали из финских языков слова, связанные с бытовой жизнью, слова земледелия, рыболовства и оленеводства. Например в Архангельской области, где рыболовство всегда играло большую роль в жизни людей, заимствовалось из финского языка очень много слов, связанных с рыбой и водными растениями. (Пости 1982: 9.) Такие например: палтус, ср. фин. pallas, пунда - камень, на рыболовной сети, из фин. punta "гиря", тура - морское растение, ср. фин. turo "тростник".

5.1 Рыболовство

Как мы знаем, кроме охоты, рыболовство было очень важным занятием населения ещё в прошлом веке, и, наверное, финны и россияне имели когда-то долговременное общение в этих областях жизни. Многие из слов финского

происхождения обозначают какие-то специальные орудия или части рыболовной снасти, для которых у русских не было названия, и поэтому они заимствовали эти слова из финского языка.

Город Архангельск находится на берегу Белого моря и издавна является городом рыболовства. Этим объясняется большое количество слов рыболовства, заимствованных из финского языка. Людям нужно было точно определить названия всех товаров, связанных с рыболовством, чтобы понять друг друга в бытовой жизни.

5.1.1 Рыболовные снаряды и их части

Заимствованные слова рыболовства можно условно разделить на две группы: 1. рыболовные снаряды, 2. другие товары, связанные с рыболовством. Эти группы в свою очередь можно делить на несколько тематических подгрупп.

Среди слов, описывающих рыболовные снаряды, встречается четыре слова для определённого поплавка в сети: кабалка - поплавок на семужной сети, из фин. kapalo - то же (Фас. 1967: 149 и СРНГ 12: 281), (арх.). Карначи - поплавок невода или сети. Из фин. kaarnas "поплавок из коры на сети" (Фас. 1967: 202 и СРНГ 13: 95), (олон.). Комбач - 1. Берестовый или деревянный поплавок. Из фин. kumprunen "маленький поплавок на сети" (Фас. 1967: 301). 2. Один из небольших камней, запитых в бересту привязанных к ставной сети на расстоянии 1,5 - 2 саженей в качестве грузила (СРНГ 14: 228), (арх.) и наконец: ловдус, ловгас - поплавок на рыболовной снасти. Из фин. laudus - то же (Фас. 1967: 509 и СРНГ 17: 99), (арх.).

Второй важный элемент в сети - это грузила. Вероятно разные грузила играли большую роль в том, чтобы ловля рыбы была удачной, и поэтому русский язык заимствовал эти крайне специфические слова из финского языка. Кивес - камень, подвешенный к нижнему концу рыболовной сети. Из фин. kives "грузило на сети" (Фас. 1967: 229 и СРНГ 13: 196), (олон.). Пунда - камень, грузило на рыболовной сети. Возм. из фин. punta "гиря" (Фас. 1971: 406), (арх.) и камбушки - бечёвки для прикрепления грузов на рыболовной сети. Из

фин. kempo "грузило на сети" (Фас. 1967: 173), (олон.).

Третья подгруппа частей рыболовных снарядов состоит из трёх слов: келес - вход в конусообразную сеть с обручами. Из фин. kieles "перегородка при входе в сеть" (Фас. 1967: 221), (олон.), сельга - поперечная жердь в заколе для ловли лососей. Из фин. selkä, selkäpuu - то же (Фас. 1971: 597), (арх.) и сорица - верёвка, за которую тянут невод из воды. Из фин. sora "передняя часть рыболовной сети" (Фас. 1971: 721), (олон.).

После удачной ловли рыб должны отвязать от сетей и развесить снасти. В этом помогает корбач - приспособление для развешивания невода. Из фин. kärväs "суковатые жерди для развешивания сети" (Фас. 1967: 323 и СРНГ 14: 311), (олон.) и елуй, елуница - помост из свай и жердей для сушки рыбы и снастей. Из фин. jolu "длинная жердь" (Фас. 1967: 17). Также бревно в козлах (СРНГ 8: 349), (арх.). Если рыб надо было возить куда-то, то люди использовали калугу - это деревянный ящик с прорезями для перевозки живой рыбы. Возможно заимст. из фин. kaalo "углубление, впадина ящик" (Фас. 1967: 170 и СРНГ 12: 367), (арх.).

Естественно, русские заимствовали, не только названия частей рыболовных снастей, а также и сами названия рыболовных снарядов: мерда - вид рыболовной снасти, верша. Заимствование из фин. merta "верша" (Фас. 1967: 600 и СРНГ 18: 113), (олон.), харва - сеть, невод на семгу. Из фин. harva "сеть с большими ячейками" (Фасмер 1964: 224), (арх.) и холуй - закол для ловли рыбы. Из фин. kolu "рыболовный закол из свай и прутьев и куча камней" (Фас. 1973: 259), (арх.).

5.1.2 Виды рыбы

5.1.2.1 Лососи

Естественно, русские, занимавшиеся рыболовством всегда имели названия для каждого вида рыб, но по неизвестной причине они тоже освоили слова финского происхождения. Род лососей являлся раньше совсем обычным видом рыбы и её не считали драгоценностью как сегодня. Как уже сказано, в области

рыболовства финны выступали в качестве учителей и неизбежно приносили с собой новую лексику.

Слов, обозначающих виды лососей заимствовалось три: лох, таймен и торпа. Лох имеет несколько значений: 1. Отощавший лосось (*Salmo salar*) после нереста в реках. Из фин. *lohi* "лосось" (Фас. 1967: 524). 2. Рыба (*Salmo trutta*), ручьевая форель 3. Рыба (*Nucho*), таймень (СРНГ 17: 159). (северновеликорусский диал.). Второе слово: торпа - лосось, (*Salmo fario*), из фин. *togppi* "форель" (Фас. 1973: 87), (олон.) и третье слово таймень - вид лосося, (*Salmo trutta*) из фин. *taimen* - то же (Фас. 1973: 11). Надо добавить, что таймен входит в совокупность немногочисленных финских заимствований, которые являются общерусскими.

5.1.2.2 Мелькие рыбы

Конечно, рыбаку не всегда везёт и он должен довольствоваться маленькими рыбами. Определённое недовольство выражается в названиях, которые даже точно не определяют вид рыб. Таковы: мугачки - мелкие рыбки. Из фин. *muhi* "маленький окунь" (Фас. 1967: 669 и СРНГ 18: 329), (олон.), нергас - 1. Мелкая рыба в реках и озерах. Из фин. *nieriäinen* - то же (Фас. 1971: 64), (кемск.) и нергас - 2. Небольшая рыба (СРНГ 21: 142), (арх.). Также мелкому виду сельди дали название галдья или галадья, по финскому слову *halle* - "сельдь" (Фасмер 1964: 385). В СРНГ даётся также вариант гальдья - рыба *Clupea sardina* (СРНГ 6: 122), (арх.).

Интересно заметить, что некоторые названия рыб остались не только лексикой рыбаков а они используются тоже во вторичных значениях. Таким образом слово мойва - маленькая рыбка, (Меево - то же), из фин. *maiva* - "рыбка" (Фас. 1967: 639) встречается в разговорной речи, когда говорят о худой и некрасивой девушке: "Да кто эту мойву замуж-от возьмёт!" (СРНГ 18: 206), (арх.).

5.1.2.3 Другие виды рыб

Из названий других видов рыб надо отметить два слова, которые употребляются в русском литературном языке. Первое из них - камбала - вид рыбы (*Pleuronectes*). Из фин. *kampela* - то же (Фас. 1967: 173). Употребляется тоже в арх. диалекте в бранных выражениях об косоглазом человеке (СРНГ 13: 15). Второе: палтус - вид рыбы (*Hippoglossus vulgaris*), из фин. *pallas* "камбала" (Фас. 1971: 192).

Перечислим ещё несколько названий рыб финского происхождения: Курва - рыба (*Osmerus eperlanus*). Из фин. *kurva* - то же (Фас. 1967: 423), (новгор.).

Пехоль, пяхоль - судак (*Lucioperca sandra*). Из фин. *rehuli* "вид лосося" (Фас. 1971: 253), (петерб.).

Сайда - вид трески (*Gadus sarda*). Из фин. *saita* "треска" (Фас. 1971: 546), (арх.).

Салакуша - рыба плотица (*Clupea sprattus*). Из фин. *salakka* "рыба" (*Alburnus lucidus*) (Фас. 1971: 549), (олон.).

Турба - рыба (*Leuciscus cephalus*), из фин. *turvas, turpa* - то же (Фас. 1973: 123), (лужск.).

Совместная жизнь русских и финских рыбаков, должна быть, была очень интенсивной и длительной, потому что кроме названий рыб в русский язык привнесли очень специфичные названия рыбной анатомии. Такие как: кукша, макса и сайпа. Первое из них имеет два значения: кукша - 1. Рыбы потроха. Из фин. *kupsu* "рыбий пузырь" (Фас. 1967: 408), (олон.) 2. Зоб налима (СРНГ 16: 49). Второе слово меняется по значению в разных диалектах: макса - рыбья печень, из фин. *maksa* "печень" (Фас. 1967: 562), (олон.) и в архангельской области макса - это печень крупной рыбы (СРНГ 17: 314).

Об употреблении рыбы не только в пищу свидетельствует слово сайпа. Оно происходит от финского слова *saippua* "мыло" и обозначает в русском языке жир морских животных и рыбий жир, кипяченный с золой и применяемый лопарями в качестве мыла. (Фас. 1971: 546), (кольск.).

5.1.3 Лодки и их части

Близкими к рыболовству являются понятия, обозначающие разные виды лодок и передвижение по воде. Естественно в этой лексике влияние финского языка очевидно: рюшка - маленький плот. Из фин. rusu "плот" (сев.великор.диалект), (Фас. 1973: 534) и ройки - два прикрепленных друг к другу членока, которые приводятся в движение одним веслом. Из фин. gihu "корыто", (тверск.), (Фас. 1971: 496).

Заимствовались также очень детальные понятия частей лодки, как: пены - деревянные планки на дне лодки. Из фин. piena "деревянная планка" (Фас. 1971: 233 и СРНГ 25: 345), (олон.) и тела - 1. бруски, которые подкладываются для перетаскивания лодки. Из фин. tela - то же (Фас. 1973: 37), 2. Перекладины, составляющие раму борона (Арх. область), (СРНГ, 205), (нотоз.). Заимствование столь редкой лексики доказывает, что рыбаки двух народов состояли в очень интенсивном сотрудничестве друг с другом.

5.2 Охота

Как уже показано, количество финских заимствований в области рыболовства огромно и поэтому можно было бы ожидать ту же картину и при заимствовании слов, связанных с охотой, что они будут пестрить финскими заимствованиями. Но это не так. Слова в этой области жизни составляют только незначительную группу заимствований. Например: кяпичи, кяпечи - 1. Лапы, копыта убитых зверей, большие, неуклюжие сапоги. Из фин. käppä "лапа" (Фас. 1967: 441), но также: 2. Отмороженные или искалеченные конечности человека. 3. Большие, неуклюжие сапоги (СРНГ 16: 210), (олон.).

Из финского или карельского языков было заимствовано также слово нодья - сторожевой огонь у охотников, фин. nuotio "костёр", (Фас. 1971: 80). Надо заметить, что нодья распространилось в языки северных народов, например, в коми язык, через русский язык.

5.2.1 Названия птиц

Огромное количество заимствованных слов из рыболовства наводит на мысль, что это следует ожидать, и в лексике из области охоты и, таким образом в названиях птиц, возможно, встретилось бы много слов финского происхождения, но таких слов только пять. В подкласс водяных птиц входят птицы алейка и гагка.

Алейка - это вид дикой утки, *alli* на финском языке (Фасмер 1964: 70). В архангельской области она является местным названием для породы уток (*Anas rutilia*). (СРНГ 1: 239). Вторая водяная птица гагка, гавка - это гага в русском языке. Из фин. *haahka* или карельск. *hoahka* (Фасмер 1964: 381), (арх.). Значит только диалектные гагка и гавка можно считать заимствованиями из финского языка, а общерусское гага имеет другое происхождение.

Заимствованных названий лесных птиц мы нашли только два: купец и паскарага. Значение слова купец изменяется в диалектах. В олонецком говоре купец - это сойка. Из фин. *kuukso* - то же (Фас. 1967: 420 и СРНГ 16: 100), но в поморской области он обозначает птицу кукша (СРНГ 16: 100).

Ещё более изменчиво значение слова паскарага. Оно может быть: 1. Лесная сорока. Из фин. *paskaräakkä* (*Garrulus glandarius*) - то же (Фас. 1971: 211), 2. Птица сойка и 3. Птица дрозд (СРНГ 25: 255), (олон.).

5.3 Названия других животных

В многочисленную группу заимствованных названий животных ещё надо добавить несколько слов. Заимствование названия типичного домашнего животного, лейма - корова, из фин. *lehmä*, понятное, (костром.), (Фас. 1967: 477). Вызывает большое изумление то, что даже названия совсем мельких животных перешли в русские говоры. Надо, конечно, заметить, что и этих животных можно считать очень обычными в природе. Таковы: мутикашки - головастики, лягушки. Из фин. *mutti* - то же (Фас. 1971: 18 и СРНГ 19: 27), (олон.), товкач -

белый червь, живущий под корой дерева. Из фин. "червь" toukka (Фас. 1973: 68), (олон.) и барма, барман, пармак - овод, из фин. раагта - то же (Фас. 1964: 127), (олон.). Ср. СРНГ 2: 118.

5.4 Виды деревьев

Все заимствования названий деревьев из финского языка каким-то образом связаны со словом сосна, как например: койга - сосновый бор. Наверное из фин. honka "сосна" (Фас. 1967: 280), (волог.) и конга - 1. Мощная смолистая сосна (Фас. 1967: 308). Из фин. honka - то же (волог.) 2. Береговая сосна, растущая на сухих почвах. 3. Плотная мелкослойная внутренняя часть хвойного дерева. 4. Сосновый, здоровый лес. 5. Сухостойное дерево, (волог.), (СРНГ 14: 245).

Третье слово для обозначения сосны рабач. В русском языке рабач обозначает кривоствольное, суковатое дерево, оно происходит от фин. гара-, спр. гарамänty "суковатое сосна", (олон.), (Фас. 1971: 427 и Мурзаев 1984: 473).

5.5 Названия других растений

В семантической группе названий растений тоже можно выделить одну ясную совокупность слов, имеющую одно смысловое происхождение. Это названия разных трав. Финское слово horma служило оригиналом для диалектного русского слова горма, которая обозначает: 1. Растение (*Spiraea ulmaria*), (Фас. 1964: 442) или 2. Растение (*Epilobium angustifolium*) (СРНГ 7: 45). Трава другого типа, кула, (кулага, кулача, кулоха) - прошлогодняя трава, лежащая под снегом, происходит от фин. kulo - то же (Фас. 1967: 408 и СРНГ 16: 50). Третий тип травы, няча, тоже характеризуется точностью определения места произрастания: няча - 1. Трава, растущая подле дорог (*Stellaria arvensis*), из фин. nätsä - то же (Фас. 1971: 95), (олон.) и 2. Растение (*Minuartia*), (СРНГ 21: 335).

Близость моря в Архангельской области, безусловно, родила особую

лексику морских растений, в которых мы найдём тоже по крайней мере одно слово финского оригинала: тура - морское растение, происходит из фин. *turo* "тростник" (Фас. 1973: 123).

Причины и пути заимствования иногда непонятны и нелогичны. Легко было бы предположить, что поскольку человек всегда черпал свою пищу из природы, для даров природы тоже может встретиться много заимствованных названий поскольку такие слова употребляли каждый день. Всё же в этимологическом словаре М. Фасмера (1973: 114) мы нашли только слово тутилажка - гриб-дождевик, (*Lycoperdon*). Из фин. *tuhkelo* - то же.

Особенным даром природы можно считать тоже лён, от которого происходит слово куклина - семенная коробочка льна. Из фин. *kouhlo*, головки льна. (Новосибирск.), (Фас. 1967: 405 и СРНГ 16: 37.)

5.6 Оленеводство и жизнь на севере

Одна большая группа заимствований состоит из слов, которые связаны с жизнью в Лапландии. Финские племена представляли новый для русских промысел, новый русским, оленеводство и это, естественно, имело влияние на лексику русского народа. Следствием этого оленеводы в России начали употреблять слова финского происхождения, например: гирвас, икумалка и кундус.

5.6.1 Названия оленей разного возраста

Люди, занимающиеся оленеводством, должны точно уметь называть своих животных, чтобы знать о каком олене идёт речь. Из этого следует, что когда русские познакомились с оленеводством, им легче было взять уже готовые названия с финского языка, чем создать свои. Такие слова: урак - годовалый олень-самец. Из фин. *urakka* - то же (Фас. 1973: 166), (кольск.), гирвас - олень-

самец, на 2-ом году жизни. Из фин. *hirvas* "олень-самец" (Фас. 1964: 407), (арх.) и, последовательно, *кундус* - трёхгодовалый олень-самец. Из фин. *kuntus* - то же (Фас. 1967: 418), (арх.). Всё же для самки заимствовалось только одно название: *руноваженка* - нетелившаяся самка северного оленя. Из фин. *runovaadin* - то же (Фас. 1971: 518), (арх.).

5.6.2 При надлежности оленеводства

Судя по тому, как много названий оленей перешло в русский язык, естественно также преположить, что и названия всяких принадлежностей оленеводства не могло не заимствоваться. Из таких слов Фасмер упоминает: *гигна*, *игна*, *хигна* - вожжа оленей упряжки. Из фин. *hihna* "ремень" (Фас. 1964: 405 и СРНГ 6: 169), (арх.), *икумалка* - костыльек для прикрепления постромков к передку саамских саней. Из фин. *jukko* "ярмо" и *salko* "шест" (Фас. 1967: 126), (смотрите тоже СРНГ 12: 183), (арх.), *ламбои*, *ламбой* - длинные, узкие сани. Из фин. *lampus* "перекладина на дне саней" (Фас. 1967: 455 и СРНГ 16: 253), (олон.).

Лексика оленеводства отражается также в словах типа: *коллака* - несколько привязанных сзади к саням оленей без упряжи. Из фин. *kollos* - то же (Фас. 1967: 292), (арх.) и *кегора* - пастбище для оленей. Из фин. *kiekerö* - то же (арх.), (Фас. 1967: 220). См. тоже СРНГ 13: 173.

5.6.3 Жизнь в Лапландии

С жизнью на севере связаны ещё несколько слов: *ангас* - звериный капкан у саамов. Из фин. *hangas* "медвежий капкан" (Фасмер 1964: 77), (арх.), *опас* - 1. Проводник, указывающая путь в тундре 2. Охрана, из фин. *opas* "проводник", (СРНГ 23: 239), (арх.), *тупа* - зимнее лопарское жилище. Из фин. *tupa* "комната" (Фас. 1973: 121), (арх.) и *урда* - охота. Из фин. *uurto* "охота на оленя" (Фас. 1973: 167), (кольск.).

5.7 Товары и понятия бытовой жизни

Совместная жизнь финских и русских народов оставила свои следы во всех областях ежедневной жизни. Несмотря на то, что в этих культурных отношениях, с точки зрения заимствования, финский язык был в основном языком-реципиентом, и русский язык обогащался финскими словами, говоры русского языка освоили многие слова из бытовой жизни, которые используются в разговоре об особых рабочих инструментах, об одежде, о кушанье и т. д. Даже в языке детей находитесь несколько слов финского происхождения. Эти слова связаны с детскими играми: баска - костяная игрушка. Из фин. paasku "мелкие косточки запястья и голеностопного сустава" (Фас. 1964: 130). Также всякая детская игрушка (СРНГ 2: 131), (кольск.). Второе слово чига - чурка, называемая также попом в игре в городки. Из фин. sika "свинья" (ярославск.), (Фас. 1973: 359.)

5.7.1 Рабочие инструменты

Рассматривая финские заимствования в русских говорах, Калима заметил (1952: 361), что в этой лексике встречаются слова земледелия. Таким образом финны распространяли свою культуру и в эту область русской жизни. Напи слова, связанные с земледелием называют рабочие инструменты: киюра - деревянный молот для разбивания глыб и комьев земли (СРНГ 13: 252), (новгор.) [Киюра - 1. Тяжёлый камень для вбивания в дно реки кольев при устройстве забора. Из фин. kiura "каменный топор" (Фас. 1967: 243), (арх.)] и кокица - 1. Железный молот для разбивания глыб земли. Из фин. kuokka "кирка, мотыга" (Фас. 1967: 282). 2. Инструмент, которым выдалбливают деревянное корыто (СРНГ 14: 88).

Очень важным для бытовой жизни являются тоже следующие инструменты: кавзак - плохой, тупой нож. Из фин. kalso "тупой инструмент" (Фас. 1967: 153) и колпица - деревянная пристройка около печи. Возможно из

фин. *kolpitsa* "погреб, чулан" (Фас. 1967: 297 и СРНГ 14: 195).

Слово ласт - материал для обивки лодок. Из фин. *lasta* "дранка, планка" (Фас. 1967: 463) свидетельствует об особой важности изготовления лодки для людей, занимающихся рыболовством.

5.7.2 Кушанье и кухонная посуда

Меньшее количество заимствований этой группы объясняется вероятно тем, что приходя в близкие контакты с финнами русские конечно уже имели свою "кухонную культуру", имели свои названия блюд и посуды. Что касается финской кухни, то она, в главных чертах, не отличалась от русской и в этом деле никому не надо было учить другого. В конце концов, в русских говорах живёт только три слова этого типа: купышка - грубая, деревянная посудина, миска. Из фин. *kuppi* "чашка" (Фас. 1967: 421 и СРНГ 16: 104), (петергоф.), кюрзи(и) - блины, из фин. *kyrsä* "корвига хлеба" (Фас. 1967: 441 и СРНГ 16: 209) и майда - молоко, из фин. *maito* - то же (Фас. 1967: 559), (тверск.).

Кроме этих слов, есть ещё одно слово, которое можно включить в группу слов о приготовлении пищи. Это - тулукса - "огниво, кресало". Из фин. *tulus* (Фас. 1973: 118). Трудно сказать, использовали ли её первым жены, которые готовили пищу или, например, охотники при разжигании костра.

5.7.3 Разная обувь

Яло Калима (1952: 362) констатирует в своей статье, что самое известное название обуви, которое является заимствованием - это: кенги, кенги - зимняя обувь из меха или войлока, из фин. *kenkä* "башмак, ботинок". (perm.), (Фас. 1967: 223). В олонецком говоре кенги, кенги обозначают тоже сапоги (СРНГ 13: 181).

Более простая обувь представляется такими словами, как: корбачи -

лапти из берёсты, из фин. kipruset "башмаки из недубленой кожи" (Фас. 1967: 323), (олон.) и ройки - простые сапоги. Из фин. tuoju "полусапожки" (Фас. 1971: 496), (петерб.).

Заемствованиями из финского языка Фасмер считает и следующие слова: улеги - простые, грубые кожаные башмаки. Из фин. uilo "полусапожки с широкой, загнутой кверху подошвой" (Фас. 1973: 158), (арх.) и упаки - грубые крестьянские сапоги. Из фин. upokas "широкий башмак" (Фас. 1973: 163), (арх.). Также чупак - валёнок, из фин. supikas "мужской башмак" (Фас. 1973: 384), (волог.).

Интересная семантическая группа бытовых товаров - это лыжи со своими принадлежностями. Ходьба на лыжах является и сегодня одним из самых удобных способов передвижения по снегу и она, естественно, имела ещё больше значения для людей прошлых времён, которые часто были вынуждены двигаться в лесу за добычей или дровами. Всё же, отстаётся загадкой заимствовали ли следующие слова именно через охотников.

Калги, колги - вид лыж, из финского или карельского слова kalhu - то же (Фас. 1967: 165), (арх.), пелгас - берестяная подкладка для ступни на лыжах. Из фин. päläs - то же (Фас. 1971: 227 и СРНГ 25: 321), (арх.) и чибаки - подбитые кожей лыжи. Из фин. sivakka "лыжа, особенно более короткая правая" (Фас. 1973: 357), (кольск.).

5.7.4 Другие товары бытовой жизни

Ниже приведём несколько слов, которые легко включить в семантическую группу слов из бытовой жизни. Будка - щабель. Из фин. putki - то же (Фас. 1964: 230). Имеет также совсем другое значение: кислица, но начало слова такое же - putki (СРНГ 3: 245). Воё - дышло. Происхождение слова точно не известно, но заимствование из фин. aisa "шест в стогу" возможно (Фасмер 1964: 331), (тверск.).

В близких контактах любых народов торговля всегда играет

определенную роль. Можно сделать такой вывод, что именно из потребностей торговых отношений заимствовались слова рогато и рага в русские говоры. Рогато - деньги, из фин. *raha* (Фас. 1971: 490), (арх.) и рага - деньги, из фин. *raha* - то же. По мнению Попова (1955: 18), слово вошло в олонецкий диалект с торговцами и его употребляли только в торговых отношениях между русским, эстонцами и финнами. "Купил бы товару, да раги мало".

В группу бытовых товаров и понятий входит ещё несколько слов: пулкач - рама, основа крестьянских саней. Из фин. *pulkka* "деревянный гвоздь" (Фас. 1971: 405), кёрста, керста - гроб, могила, яма. Из фин. *kirstu* "ящик" (Фас. 1967: 225 и СРНГ 13: 189), райка - дыра. Из фин. *reikä* "дыра" (Фас. 1971: 436), (олон.) и наконец ряжок, ряшок - тряпка. Из фин. *rääsy* - то же (Фас. 1971: 537).

5.8 Слова, описывающие деятельность человека

Многие финские слова в русских говорах посвящены описанию деятельности человека. Грамматически эти слова входят в группу глаголов. Заимствованная глагольная лексика очень пестра. Всё же, среди них ярко различается три главные группы: 1. глаголы, характеризующие человеческие чувства, 2. глаголы, определяющие ежедневную деятельность людей, 3. другие глаголы.

В первую группу входят слова, как: аймисттать - побороть плач. Из фин. *äimistää* "корчиться от боли" (Фас. 196: 65). Тоже: спать не закрывая рот и вздрагивать от сильного и долгого плача (СРНГ 1: 224), (олон.), арандатть - ворчать, ругаться, из фин. *äristää* "ворчать" (Фас. 1964: 83). От глагола образуется также существительное: арандус - ворчун, ругатель (СРНГ 1: 268), (олон.), венъгать - 1. хныкать, плакать. Из фин. *vinkua* - то же (Фас. 1964: 292) 2. говорить невнятно, протягивая слова, (олон.), венъгать - 1. Ворчать, выражая недовольство чем-либо 2. Жаловаться, плакаться 3. Надоедливо просить о чём-либо 3. Капризничать (особенно о детях). От фин. *vinkua* - то же (СРНГ 4: 117), (волог.), кайковать - 1. Печалиться, заботиться, раскаиваться. Из фин. *kaikko* "горевать, сетовать" (Фас. 1967: 161). 2. Сомневаться, раздумывать 3. Толковать, судить о чём-то (СРНГ 12: 325), (арх.), 4. говорить, хвастать (СРНГ 12: 325),

(олон.), малкать, малькать - говорить, толковать, понимать. Из фин. *malkkia* "твёрдить одно и то же" (Фас. 1967: 563 и СРНГ 17: 330), (арх.).

Многие глаголы финского происхождения являются дескриптивными и звукоподражательными и они отличаются также тем, что они часто включают в себя суффиксы: - нда, -айда. Предполагается, что эти, ярко нерусские, суффиксы заимствования из финского (Калима 1952: 363).

Бытовая жизнь два или три века тому назад была по своим функциям совсем иной по сравнению с нынешней жизнью. Люди занимались делами, значение которых стало нам уже далёким. Например: пахтать - 1. сбивать масло. Из фин. *röyhtää* (Фас. 1971: 222), (арх.), 2. взбивать мутовкой, рогаткой (СРНГ 25: 299), (волог.) и сурustать - поесть немного. Из фин. *suurustaa* "завтракать, закусывать" (Фас. 1971: 808), (олон.).

С деятельностью человека также связаны глаголы, которые точно описывают походку человека в труднопроходимой местности: рымбать - проваливаться ногами в болоте. Из фин. *lämpää* "идти вперед с трудом" (Фас. 1971: 528), (арх.) и рындать - проваливаться ногами в болоте или снегу. Из фин. *rentiä* "идти в брод" (Фас. 1971: 529), (арх.).

Кроме вышеупомянутых, в русский язык заимствовались глаголы, которые тоже со своей стороны стоят очень близко к бытовой жизни: карайдать - подмерзать, возможно от фин. *kare* "холод, сушь" (Фас. 1967: 322), (арх.), киляндать - звенеть, издать высокие звуки. Возможно заимствование из фин. *kilistä* "звенеть, дребезжать" (Фас. 1967: 233 и СРНГ 13: 211), (олон.), ружайдать - дробиться (о лде). Из фин. *rusahtaa* "трещать" (Фас. 1971: 514), (арх.) и хозать - стучать, колотить. Объясняется от фин. *hosua* "колотить" (Фас. 1973: 254), (волог.).

5.9 Язычество и старые обряды

Древнее финско-русское взаимодействие отражается в словах, которые заимствовались уже до христианской веры. Несколько веков тому назад в языческом обществе шаманом или врачом служил человек, который назывался: Арбуй - жрец, это слово наверное из фин. *agroja* "предсказатель". [Сравните

древнерусский арбовати "отправлять языческое богослужение". (Фасмер 1964: 84)]. Арбуй появляется в письменных памятниках с 1534 г. в Новгороде. Главным занятием такого человека, по-видимому, было химостить - ворожить, вероятно из фин. *hiimat* "чары" (Фас. 1964: 237), (псковск.).

В языческий мир нетрудно включить и следующие слова, которые перешли в русский язык уже в древности, но продолжают свою жизнь и сегодня: Верги - чары, колдовство. Из фин. *verha* "жертва" (Фас. 1964: 294 и СРНГ 4: 125), (олон.) и Вергой - чёрт, из фин. *verkanen* - то же (Фас. 1964: 295 и СРНГ 4: 125), (олон.).

5.10 О людях и о народностях

Постоянное общение двух или более народов оставило свои следы в заимствованной лексике, обозначающей не только явления природы или названия товаров. Русские освоили из финского языка также слова, которые характеризуют людей и народности. Названия этого типа часто имеют какой-то оттенок, обычно юмористический или даже обидный.

Для разных групп людей заимствовались слова: кайки - название вепсов. Из фин. *kaikki* "все" (Фас. 1967: 161). Это слово может иметь также насмешливый тон (СРНГ 12: 325), (олон.), квени, квены - название смешанных переселенцев из норвежцев и финнов. Начало этого названия идёт от финского названия тех же людей *kainulainen* "житель равнин", (кемск.), (Фас. 1967: 218 и СРНГ 13: 166) и слово корела - карелы, из фин. *Karjala* "Карелия" от *karja* "стадо" (Фас. 1967: 325), (олон.). Также слово лопь - саамы в архангельском говоре заимствование из фин. *Lappi* "Лапландия" (Фас. 1967: 520), (арх.).

Из названий отделных людей некоторые говоры русского языка освоили слова: вейка - 1. кучерь-эстонец, работающий только на масленицу. Из фин. *veikko* "брать" (петерб.), (Фас. 1964: 286). 2. Финн 3. Извозчик - финн (СРНГ 4: 98) и муега, муёга, мунега, муняга - вялый, хилый человек. Возможно из фин. *tiuju* "ленивый человек" (Фас. 1967: 670 и СРНГ 18: 332), (олон.).

В русском языке существует ещё одно прозвище, которое может иметь

финское происхождение. Это слово олух (дурак, невежа). Точно не известно, откуда оно вошло в русский литературный язык, однако многие учёные убеждены, что олух происходит из народно-разговорной речи. В. В. Виноградов (1977: 286) констатирует, что возможно случайно олух совпадает по своей звуковой форме с собственным именем Олухно, Олушек и т. п. В связи с этим Виноградов напоминает нам о том, что на основе древне-русского имени-прозвища Олиско лежит финское ölliskö "дурак". А. В. Марков по поводу былинного Василия Окуловича писал: "Северновеликорусское окула значит "плут", слово это происходит от финск. okkela - "хитрый, продувной". В. В. Виноградов добавил ещё то, что в XV в. в Новгородском диалекте употреблялись прозвища: Окулик, Окулко, Окулов, Окул, Окуля.

Таким образом, несмотря на неясное происхождение слова олух, оно часто употреблялись в русском литературном языке особенно в XV в. Словарь языка Пушкина отмечает три случая употребления этого слова у Пушкина. Например в стихотворении "Из Пиндемонте":

*И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.*

Слово встречается также у Гончарова в "Обломове": "Да, кум, пока не перевелись олухи на руси, что подписывают бумаги не читая, нашему брату можно жить".

Как показано, кроме географических названий в русском литературном языке, и в его говорах, встречается большое количество слов финского происхождения. Некоторые из них были заимствованы уже из исчезнувших финно-угорских языков, но и современный (начиная с XIX века) финский язык, через финско-русские контакты в области Карелии и Архангельска, влиял на словарный состав русского языка.

Слова, заимствуемые русским языком хорошо обнаруживают те области жизни, которые играли большую роль в финско-русских отношениях. На русском Севере это было рыболовство и оленеводство, а в Карелии финская лексика живёт в более широком масштабе - от названий обуви и рабочих инструментов до описаний человеческих чувств и мнений.

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В словарном составе русского языка можно найти следы разных языков. Кроме общеславянского словарного фонда обнаруживается слова тюркского (жемчук, деньги), французского (пальто, журнал), скандинавского (якорь, ящик) и финского (тундра, камбала) происхождения. (Шанский 1964: 97.) Все эти слова были заимствованы в русский язык в разное время, но каждое из них должно было подчиняться тем словообразовательным изменениям, которые происходят при заимствовании.

Первый этап включения нового слова в язык-реципиент - это семантическая обработка слова. В круг понятий данного слова входит ещё больше понятий и, таким образом, слово получает более широкое семантическое содержание. В словообразовательном освоении новое слово приобретает свою форму в языке-реципиенте, например, с помощью префиксов и аффиксов. В-третьих, в грамматическом освоении новому слову дают его род, число и часть речи. (Шанский 1964: 96.)

Целью нашей работы являлось показать, до какой степени нынешний русский язык включает в себя лексику финского происхождения и какая она. Тема сложная, но после рассмотрения этимологических словарей русского языка можно было вывести следующее распределение. Слова финского происхождения встречается мало в литературном русском языке, а больше в

говорах. Вторая значительная группа заимствований состоит из географических названий финского происхождения.

Топонимика, т. е. изучение географических названий стало серьёзной областью науки только в этом веке, и поэтому географические названия многих территорий ещё далеко не изучены. Таким образом, наш материал, топонимы финского происхождения в названиях областей России, включает в себя много спорных и загадочных названий. Даже происхождение некоторых крупных географических названий, таких как Ладога и Луга, пока не выяснилось. Топонимы этого типа представляют первую часть из топонимов нашей работы - это собственные географические названия. Многие географические имена характеризуются устойчивостью названий, т. е. они редко изменяются в течение времени. Старыми и устойчивыми топонимами в данной работе являются речные имена типа: Нева, Луга, Волга и ойконимы: Каргополь (упоминается первый раз в летописях с 1448 года), Вичуга и Кивач.

Речные имена значительны с точки зрения их информационного содержания, поскольку они обладают разными сведениями о людях, живущих по берегам данной реки или путешествующих по ней. Это объясняется тем, что близость воды и хорошее сообщение из одного села в другое привлекали ранние общества и поэтому следы первых цивилизаций находят именно на речных побережьях. (Мурзаев 1995: 40.) С другой стороны, ойконимы в Карелии характеризуются тем, что они часто происходят от названий довольно маленьких рек и озёр, потому, что они могут точнее определить местоположение села или деревни, чем ойконимы, данные по крупным озёрам.

Кроме собственных географических названий мы обнаружили множество нарицательных топонимов финского происхождения. Они встречаются в разных случаях при описании природных явлений, о водных пространствах (лахта, салма), о земельных угодьях (кедовина, сузём) о горах (вара, тундра) и т. п. Свойственно нарицательным названиям то, что они, почти без исключений, живут только в говорах, в которых они существуют с разными значениями. Например слова лахта может обозначать 1. Небольшой морской залив. 2. Не заросшее травой место водоема. 3. Болотистое место в лесу. 4. Клин

леса, выходящий на пожню. 5. Сенокосная пожня, впадающаяся в лес. (СРНГ 16: 296.)

В русских говорах существует тоже множество слов финского происхождения, не имеющих топонимический характер, а которые употребляются в разговорном языке в других ситуациях. Как мы уже заметили, значительную группу составляют слова рыболовства финского происхождения. Такие слова играют большую роль в говорах русского севера и сейчас, особенно на территории Архангельской губернии. Русские и финны, занимавшиеся рыболовством на одной территории, кроме общения на почве промысла, переносили свои связи и на лексику, вот почему в русских говорах сохранились заимствования из финского языка.

Наш материал показал, что большая часть заимствованной лексики финского происхождения посвящена описанию природных явлений, названий растений и животных. Это объясняется близостью живой природы и тесными контактами с ней людей. Кроме этих, слов финского происхождения распространялось заимствоование почти на названия из всех областей жизни: названия товаров, рабочих инструментов, посуды, обуви и так далее.

Изучение финских заимствований в русском языке оказалось интересной темой, но кропотливой работой. Первой части моей работы, географическим названиям, посвящено много научных работ, которые дают хорошие сведения о топонимах финского происхождения. Семантическая классификация других финских слов русских говоров привлекала внимание пока ещё немногих русских учёных и поэтому мы удовлетворились некоторыми статьями финских учёных. Таким образом, слова финского происхождения в русском языке является темой, которая включает в себя много нового и “свежего” для будущих научных работ.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке:

Агеева Р. А. (1989) Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Москва: Наука.

Агеева Р. А. (1985) Происхождение имен рек и озер. Москва: Наука.

Бельчиков Ю. А. (1959) Интернациональная терминология в русском языке. Москва: Учпедгиз.

Брагина А. А. (1981) Лексика языка и культура страны. Москва: Русский язык.

Виноградов В. В. (1977) Лексикология и лексикография. Москва: наука.

Лейчик В. М. (1982) Люди и слова. Москва: Наука.

Лингвистический энциклопедический словарь (1990) Москва: Советская энциклопедия.

Матвеев А. К. (1993) Субстрат и заимствование в топонимии. *Вопросы языкоznания* 3, 86-95.

Мурзаев Э. М. (1982) География в названиях. Москва: Наука.

Мурзаев Э. М. (1974) Очерки топонимики. Москва: Мысль.

Мурзаев Э. М. (1984) Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль.

Мурзаев Э. М. (1995) Топонимика и география. Москва: Наука.

Никонов В. А. (1966) Краткий топонимический словарь. Москва: Мысль.

Попов А. И. (1955) Из истории славяно-финноугорских лексических отношений. *Acta linguistica*. Fas. 1-2. Magyar tudomanyos akademia.

Попов А. И. (1981) Следы времен минувших. Москва: Наука.

Последов Е. М. (1996) Названия городов и сёл. Москва: Наука.

Пости Лаури (1982) Русско-финские языковые контакты и значение их исследования.

Русский язык - Энциклопедия (1979). Главный редактор Ф. П. Филин.
Москва: Советская энциклопедия.

Словарь русских народных говоров (1965). Москва - Ленинград: Наука

Фасмер М. (1964) Этимологический словарь русского языка. Москва:
Прогресс.

Шанский Н. М. (1964) Лексикология современного русского языка.
Москва: Просвещение.

Шилов А. И. (1996) Топонимический заповедник. *Русская речь*, 3, 66-74.

Энциклопедический словарь юного филолога (1984) Москва: Педагогика.

Якубинский Л. П. (1953) История древнерусского языка. Москва:
Государственное учебно-педагогическое издательство.

На других языках:

Encyklopedia jazykovedy (1993) Bratislava: Obzor

Kirkinen Heikki (1994) Karjalan kansan historia. Porvoo: WSOY.

Kalima Jalo (1952) Suomalaisista, karjalaisista ja vepsäläisistä lainoista venäjän kielessä. Karjalan kansa.

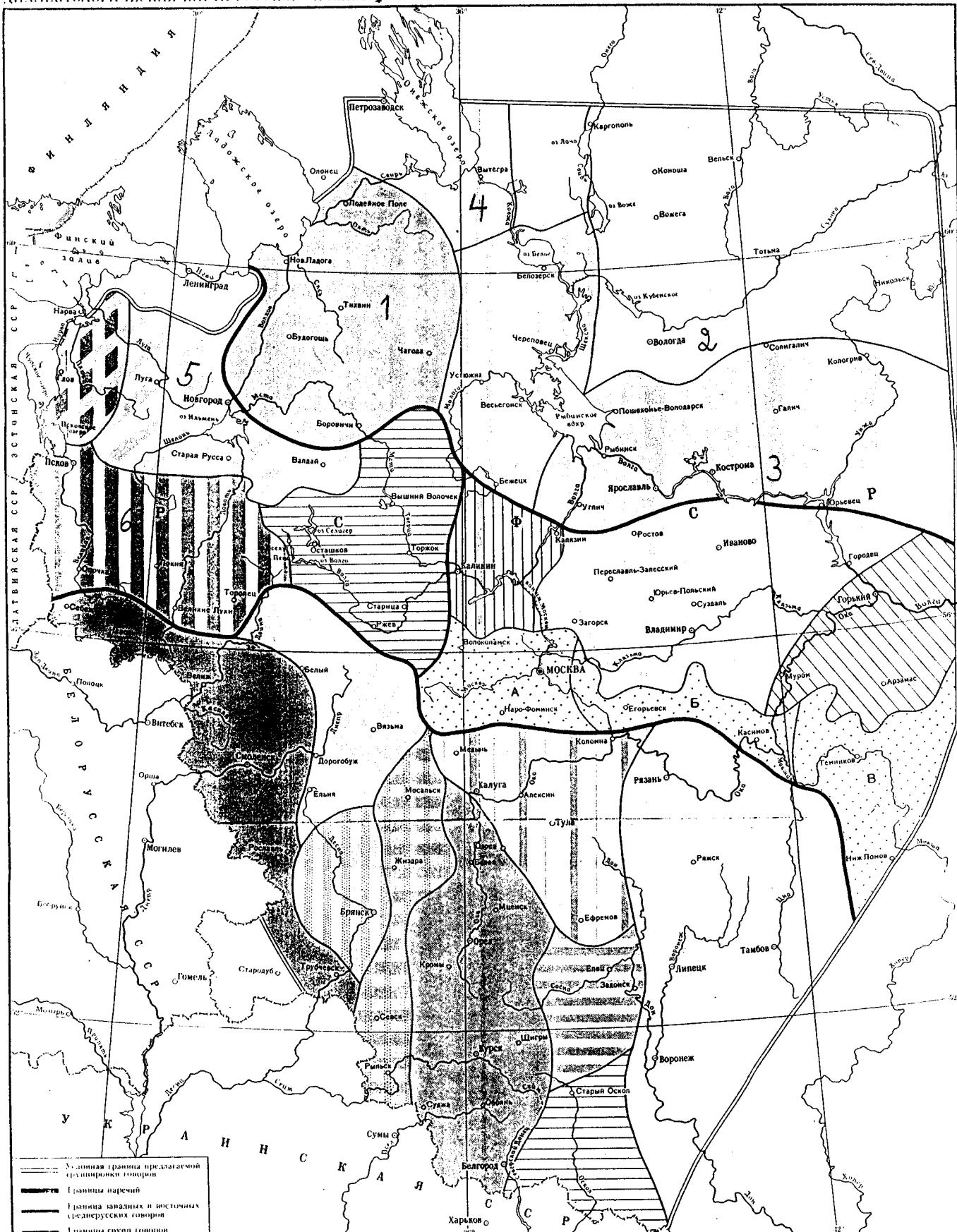
Карты:

1: Русский язык - Энциклопедия (1979). Главный редактор Ф. П. Филин.
Москва: Советская энциклопедия.

2: Энциклопедический словарь (1890). Том II, ст. 217. С-Петербург: Семеновская Типо-Литография.

3: Мурзаев Э. М. (1974) Очерки топонимики. Ст. 112. Москва: Мысль.

ЛЯЛЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО ЯЗЫКА I

СВЕРХНЕНАРЕЧИЕ

- 1 Ладого-Тихвинская группа
 - 2 Вологодская группа
 - 3 Костромская группа
 - 4 Онежская группа
 - Белогорско-Бежецкие говоры
- Межрегиональные говоры северного наречия

ЮЖНОЕ НАРЕЧИЕ

- 5 Западная группа
- Верхнеднепровская группа

Верхнедесинская группа

Курско-Орловская группа

Восточная (Рязанская) группа

Межрегиональные говоры типа А: южного наречия

Тульская группа

Елецкие говоры

Оскольские говоры

СРЕДНИЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

Западные среднерусские говоры

Повтородские говоры

Едомская группа

Западные среднерусские окончные говоры

Псковская группа

Селигеро-Торжковские говоры

Восточные среднерусские говоры

Владимирско-Поволжская группа

Казаннская подгруппа Владимирско-Поволжской группы

Горьковская подгруппа Владимирско-Поволжской группы

отдел А

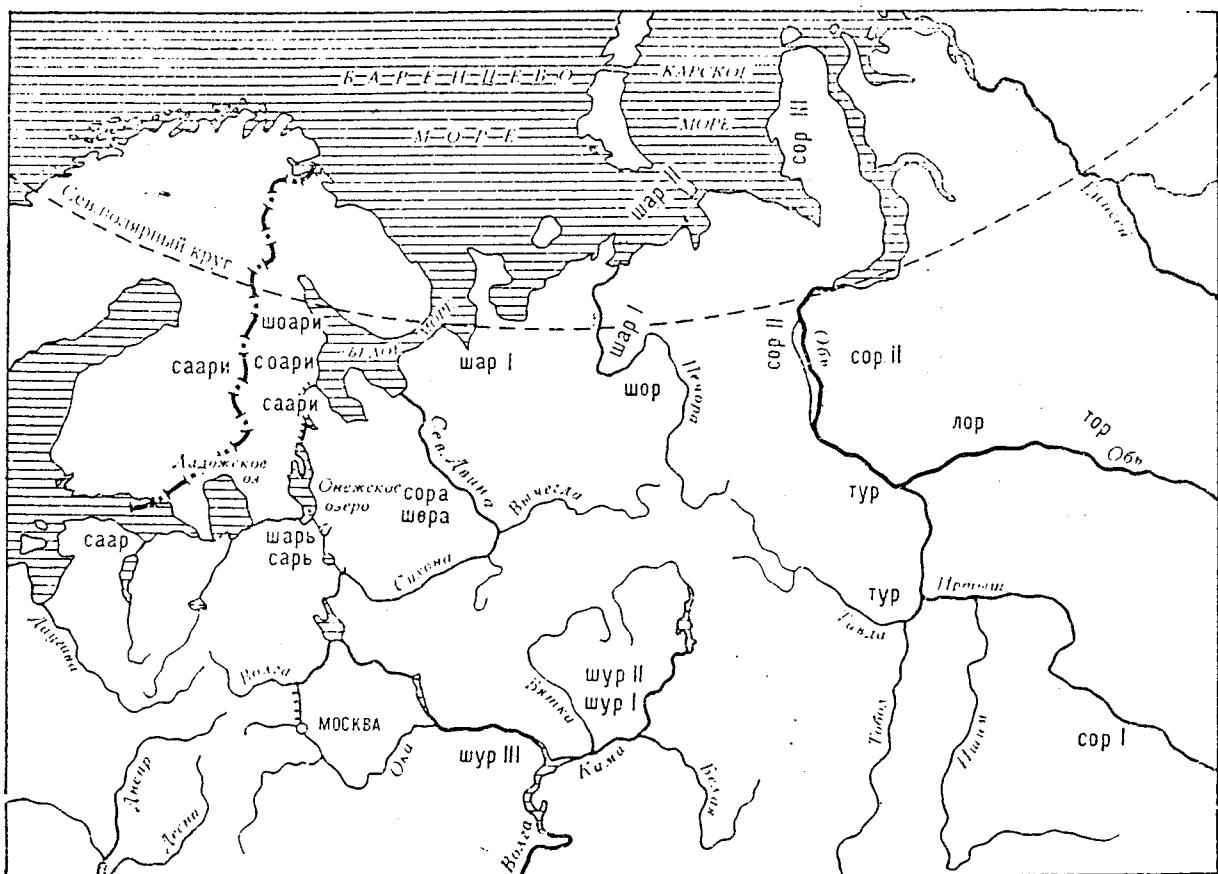
отдел Б

отдел В

Западные среднерусские акантовые говоры

Восточные среднерусские окантовые говоры

Примечание: Из книги "Русский языковой ареал" редакции Н.С. Кузнецова изд. Москва 1973г.

Карта III

Смысловые сдвиги и фонетические изменения термина *сорт*.
Значение терминов:

соп 1 казах. «озеро с топким дном, солончаковое озеро» (Павлодар. обл.); *соп* 2 рус. диал. «непроходимые топи с озерами, заливной луг, озеро; пойма, низменное заболоченное место, старица, заливаемые низкие берега реки, низкие намывные островки на реке, заросшие тростником» (Зап. Сибирь); *соп* 3 рус. диал. «озеро, соединяющееся протоками с низовьями Оби» (п-ов Ямал); *тор* — селькуп., хант. «озеро»; *тур* манси «озеро»; *лор* хант. «озеро, заливной луг»; *шор* — коми «ручей»; *шур* 1 удмурт. «река»; *шур* 2 бессермянское «лог»; *шур* 3 чuvаш. «болото»; *шар* 1 рус. диал. «речная протока, рукав» (Арханг. обл., Печора); *шар* 2 рус. диал. «морской пролив» (Карское побережье); *сора, шора* рус. диал. «ручей, рассоха, развилина, где поток разделяется на два рукава» (Русский Север); *шиари, соари, саари* — карел. диал. «остров»; *шарь, сарь* вепский диал. «остров», *саар* — эстон. «остров»; *saari* — фин. «остров» (по Е. М. Поспелову)